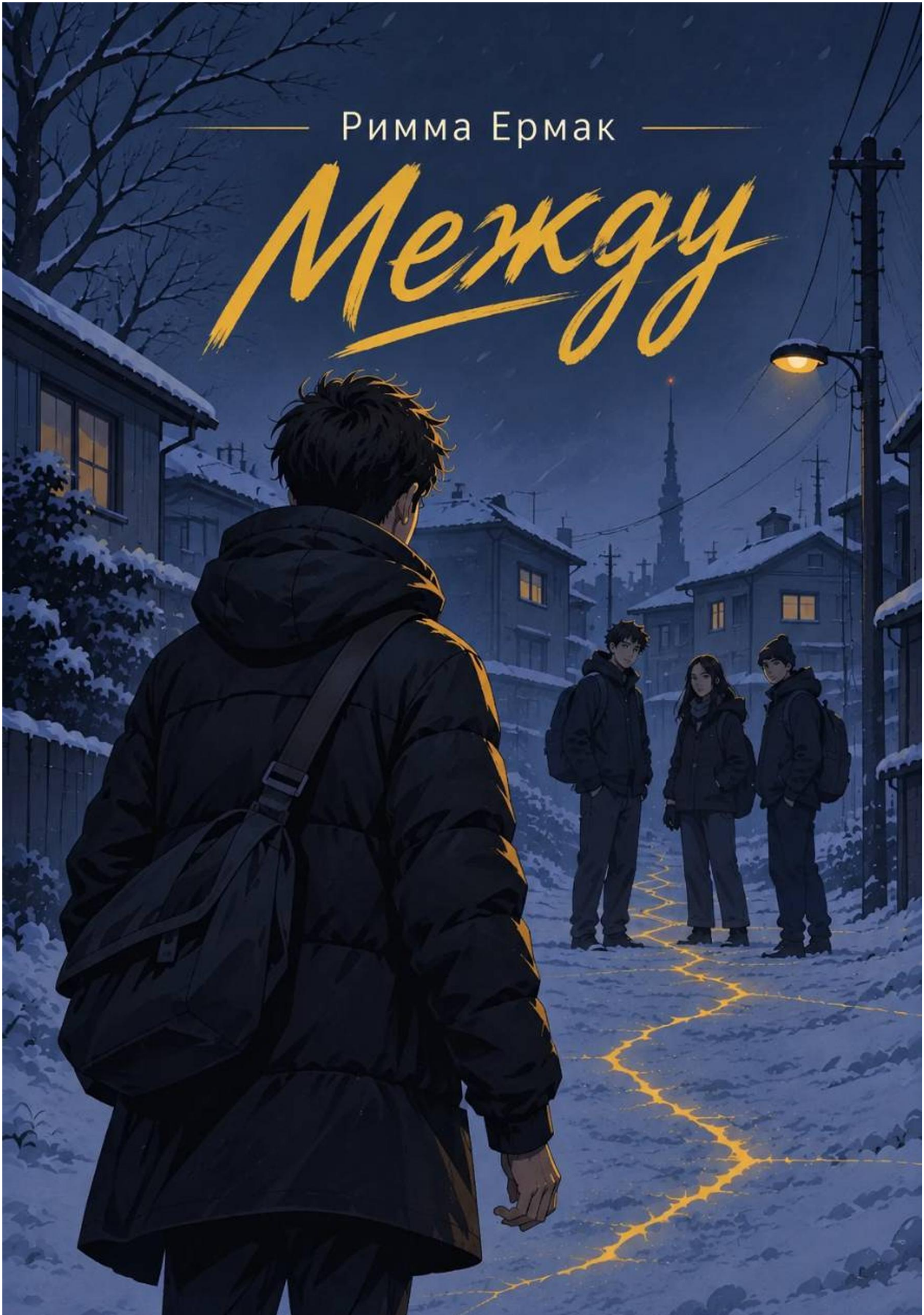
Римма Ермак
Между

Римма Ермак

Между

«Автор»
2026

Ермак Р.

Между / Р. Ермак — «Автор», 2026

В городе, где снег идёт по расписанию, а будущее каждому назначает алгоритм, шестнадцатилетний Рэн не видит впереди ничего, кроме пустой школьной крыши. Пока не находит в шкафчике конверт: «Если сможешь подняться на крышу в пятницу — значит, тебе не всё равно». За запертой дверью его ждёт клуб, которого официально нет. До зимнего фестиваля месяц. И никто из клуба не писал то приглашение.

© Ермак Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Снег в день контрольной 6
Приглашение без обратного адреса 10
Клуб на пустой крыше 15
Чужие маски страха 20
Идеальный порядок под угрозой 24
Семейное кафе и чужая судьба 28
Алгоритм, который не ждёт 32
Крыша под запретом 36
Свой ответ среди чужого 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Римма Ермак
Между

Снег в день контрольной

Снег повалил ровно в семь сорок, как только Рэн переступил порог дома. Не раньше, не позже. Он остановился на крыльце, подставив ладонь под холодные хлопья, и посмотрел, как они тают на коже, оставляя мокрые дорожки. Сегодня среда. Среда — день контрольной по математике. В этом городе не нужно было сверяться с календарём, чтобы понять это. Достаточно выглянуть в окно.

— Опять снег, — пробормотал он, застёгивая воротник.

Сумка оттягивала плечо. Внутри лежал учебник, тетрадь с наполовину решёнными примерами и сменная рубашка — на случай, если к концу дня снег перейдёт в мокрую крупу и форма промокнет насквозь. Рэн всегда носил сменную рубашку. Это была одна из тех привычек, которые отец называл «разумной предусмотрительностью», а сам Рэн — неумением сказать «нет» собственному беспокойству.

Улица встретила его приглушённой тишиной. Снег гасил звуки: шаги прохожих становились мягче, голоса — дальше, даже скрип велосипедных тормозов на перекрёстке звучал как сквозь вату. Деревья вдоль тротуара стояли неподвижные, будто притворялись неживыми. Ветви гнулись под белым грузом, и Рэн вдруг подумал, что снег в дни контрольных всегда какой-то особенно тяжёлый.

У ворот школы толпились ученики. Младшие классы возились, бросаясь снежками, и их крики долетали отрывисто, как будто кто-то переключал каналы. Старшие держались отдельно — руки в карманах, с наушниками в ушах, с выражением лица «я здесь, потому что обязан». Рэн прошёл мимо группы выпускников, которые курили у мусорного бака. Один из них, парень с выбритыми висками, кивнул ему.

— Рэн, — сказал он, выпуская дым в снег. — Тебе же тоже скоро восемнадцать? Или ты из тех, кто до последнего тянет?

— Мне шестнадцать, — ответил Рэн, не замедляя шага.

— А, — парень усмехнулся. — Ну, у тебя ещё есть время. А мы вот — всё. Через месяц фестиваль, и привет.

Он сделал жест, будто застёгивал на шее невидимый ошейник. Остальные засмеялись. Рэн ничего не ответил, только поднял воротник повыше.

Шестнадцать. Да, у него ещё есть время. Но почему-то от этой мысли не становилось легче.

В вестибюле было шумно и тепло. Снег на ботинках моментально превращался в тёмные лужицы, и у входа выстроилась очередь к специальному автомату, который выдавал бумажные полотенца и сушил подошвы горячим воздухом. Рэн шагнул внутрь, и его обдало запахом влажной шерсти и хлорки.

— Эй, смотри, куда идёшь, — буркнул кто-то, когда он задел чужое плечо.

Рэн пробормотал извинение и протиснулся к ряду шкафчиков. Его был четвёртый слева, с небольшой вмятиной на дверце — след от чьего-то ботинка ещё с прошлой весны. Рэн провёл пальцем по вмятине, как делал это каждое утро, и набрал код.

Шкафчик открылся с мягким щелчком. Внутри пахло старыми обоями. На верхней полке лежала стопка тетрадей, сбоку висел мешок с физкультурной формой, а на крючке болтался шарф, который Рэн потерял в начале осени и потом нашёл на том же месте, только уже пахнущий чужим стиральным порошком. Он не стал спрашивать, кто его вернул.

Рэн запихнул сумку на нижнюю полку и достал учебник. Математика. Производные. Он вызубрил формулы вчера вечером, сидя за кухонным столом, пока отец закрывал кафе и гремел кастрюлями. Вернее, не так: он смотрел на формулы, переписывал их в тетрадь, заставлял себя запоминать, но в голове вместо цифр крутилось одно и то же.

Пустая крыша.

Странный образ. Он приходил к Рэну с раннего детства, как только кто-нибудь спрашивал: «Кем ты хочешь стать?» или «Какое будущее ты выбираешь?» или — в формулировке городской администрации — «Какой сценарий вам был назначен?» И всякий раз вместо ответа Рэн видел перед собой пустую школьную крышу. Бетонные плиты. Проволочная сетка по периметру. Вентиляционные трубы, торчащие, как гигантские грибы. И небо — огромное, белое, абсолютно пустое.

Не было ни выбранной профессии, ни маршрута, ни плана. Только крыша.

— Рэн, ты идёшь?

Он обернулся. К нему подошла Мину, одноклассница с косичками и в очках с толстыми стёклами. Она держала в руках планшет, и на экране светилась диаграмма.

— Ты видел свой индивидуальный прогноз? — спросила она, поворачивая планшет так, чтобы Рэн мог разглядеть. — Смотри: вероятность девяносто два процента, что меня направят в инженерное проектирование. Девяносто два! Я вчера проверяла. И это без учёта бонусных баллов за школьный совет.

Рэн взглянул на график. Разноцветные столбики, проценты, кривые вероятностей.

— Здорово, — сказал он.

— А у тебя? — Мину поправила очки. — Обновил данные?

— Я не смотрел.

Она нахмурилась:

— Как это — не смотрел? Рэн, до зимнего фестиваля всего месяц. Как ты будешь готовиться, если не знаешь свой прогноз?

— Может, я не хочу готовиться.

Мину посмотрела на него так, будто он сказал, что хочет уехать жить в горы и питаться кореньями.

— Это несерьёзно, — сказала она наконец. — Алгоритм не спрашивает, хочешь ты или нет. Он просто... распределяет. Если ты не выберешь сам, он выберет за тебя. И поверь, это будет не то, что ты хочешь.

— А что я хочу?

— Ну... — Мину замялась. — Не знаю. Но ты же понимаешь, о чём я.

Рэн не ответил. Он не был уверен, что понимает.

В классе пахло мелом и мокрыми перчатками, сложенными на батарее. За окном снег уже не просто падал — он валил сплошной стеной, и очертания соседнего здания терялись в белой мгле. Учитель, господин Такахаси, стоял у доски и выписывал номера вариантов. Его очки запотели, и он периодически снимал их, протирая краем пиджака.

— Вариант первый, — прогудел он, — и вариант второй. Как обычно. Решать можно в любом порядке. Время — девяносто минут. Если кто-то справится раньше, может сдать работу и тихо готовиться к следующему уроку.

Рэн сел за свою парту у окна. На задних партах тянули руки, просили дополнительную бумагу, щёлкали ручками. Он раскрыл тетрадь, вывел на полях дату. За последние недели он научился писать даты автоматически, не задумываясь, какое именно число стоит в календаре.

Когда прозвенел звонок, лист с заданиями уже лежал перед ним. Производная функции в точке. Интеграл. Ещё одна производная. Всё это выглядело знакомым и одновременно не имело к нему никакого отношения — как чужой сон, пересказанный в деталях.

Рэн поднял голову и посмотрел в окно. Снег кружился, подхваченный ветром, и на миг ему показалось, что он видит в белой завесе очертания школьной крыши. Но крыша, конечно, была где-то выше — над четвёртым этажом, за запертой дверью с табличкой «Выход запрещён».

Он вернулся к листу и начал решать.

К концу дня снег перестал. Облака разошлись, и небо над городом стало бледно-голубым, как выстиранное полотно. Рэн вышел из класса последним. Он всегда выходил последним, не потому что медленно собирался, а потому что не видел смысла толкаться в дверях.

— Рэн, — окликнул его Такахаси. — Задержись на минуту.

Рэн обернулся. Учитель сидел за столом, сортируя стопки работ. Очки снова сползли на кончик носа.

— Я проверил твою контрольную, — сказал он, не поднимая головы. — Восемьдесят четыре балла.

— Это... вроде нормально.

— Да, нормально. Но ты опять не выполнил последнее задание. То, которое с развёрнутым ответом. Почему?

Рэн пожал плечами:

— Не успел.

— Ты сдал работу через сорок минут после начала. У тебя было время.

Рэн молчал. Такахаси наконец поднял глаза.

— Я не спрашиваю с тебя больше, чем с других, — сказал он спокойно. — Но мне бы хотелось, чтобы ты хотя бы попытался. Алгоритм учитывает результаты контрольных. Ты это знаешь.

— Знаю, — сказал Рэн.

— Тогда почему?

Он не ответил. Не потому что хотел дерзить — просто не было ответа. Учитель вздохнул и махнул рукой.

— Иди. И подумай над тем, что я сказал.

Рэн кивнул и вышел в коридор.

Школа после уроков напоминала декорацию к спектаклю, который давно закончился. Пустые коридоры, приглушённый свет ламп, эхо шагов. В лестничном пролёте Рэн поднял голову: наверху, на четвёртом, горел свет — значит, ученический совет ещё на месте. Рэн прибавил шагу.

У шкафчиков было почти пусто. Кто-то из дежурных протирал пол шваброй, оставляя мокрые разводы. Пахло дешёвым моющим средством и холодом из открытой вентиляции. Рэн подошёл к своему шкафчику, набрал код семнадцать-двенадцать — день рождения матери, — и потянул дверцу.

Он сразу почувствовал: что-то не так.

Не из-за звука — шкафчик открылся, как всегда, с мягким щелчком. Не из-за запаха — всё тот же запах старых обоев. А из-за того, что на верхней полке, поверх стопки тетрадей, лежал конверт.

Белый, плотный, без марки и без обратного адреса. На лицевой стороне — только его имя, выведенное чёрной гелевой ручкой, с наклоном вправо. Рэн оглянулся. Дежурный всё так же возил шваброй по полу, не глядя в его сторону.

Он взял конверт. На ощупь тот был холодным, будто его только что принесли с мороза. Внутри едва слышно шуршала бумага. Рэн провёл пальцем по краю, поддел клапан и аккуратно вскрыл.

Внутри был сложенный лист бумаги. Рэн вытащил его и развернул. Почерк тот же, что и на конверте — чёрная гелевая ручка, наклон вправо.

«Если ты сможешь подняться на крышу в пятницу после уроков, значит, тебе не всё равно. Клуб „Будущее без сценария“. Вход по этому приглашению. Не показывай никому».

Под текстом не было подписи. Только маленький рисунок в углу — схематичная лестница, ведущая вверх, к прямоугольнику неба.

Рэн перевернул лист. На обратной стороне ничего не было. Он снова заглянул в конверт — пусто. Тогда он поднял голову и посмотрел в окно в конце коридора. Оттуда, если встать на цыпочки и прижаться лбом к стеклу, был виден край школьной крыши.

Пустая крыша.

Рэн смял конверт в кулаке, потом разжал пальцы и снова разгладил бумагу. Сердце билось где-то в горле.

Он оглянулся ещё раз. Никого. Только дежурный насвистывал какую-то мелодию и толкал швабру к выходу.

Рэн сунул конверт во внутренний карман пиджака и закрыл шкафчик. Замок щёлкнул, как выстрел. В пустом коридоре звук показался оглушительным.

Он вышел из школы через боковой вход, чтобы не проходить под окнами ученического совета. Снег под ногами скрипел, и в этом звуке было что-то окончательное — как будто город наконец замер и прислушивался к его шагам. Рэн не оборачивался.

Только у самых ворот он всё-таки оглянулся. На четвёртом этаже окно кабинета совета было приоткрыто. Колыхнулась лёгкая занавеска.

Приглашение без обратного адреса

Снег, стихший было после уроков, к вечеру вернулся ледяной крупкой, которая секла по лицу, стоило только повернуть к ветру. Рэн шёл домой, прижимая локтем внутренний карман пиджака, где лежал конверт. Тот уже нагрелся от тела и стал мягким, как старая тряпка, но Рэну всё равно казалось, что сквозь пиджак проступает холод — чужой, точно бумагу только что принесли с мороза.

Он не стал разворачивать приглашение на улице. Сначала думал, что развернёт, как только отойдёт от школы, но у калитки остановился, поправил сумку на плече и двинулся дальше. Потом у витрины булочной — там, где жёлтый свет падал на тротуар ровными квадратами, — снова сунул пальцы под клапан конверта. И снова не вытащил.

— Ты чего топчешься? — окликнула его хозяйка булочной, выглянувшая на порог с картонкой в руках. — Закрываемся через десять минут.

— Прохожу мимо, — ответил Рэн и ускорил шаг.

Дома пахло разогретым супом. Отец уже вернулся из кафе, повесил куртку на крючок у двери и теперь стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Его тень лежала через всю кухню, длинная, чуть покачивающаяся.

— Задержался, — сказал отец, не оборачиваясь. — Контрольная?

— Угу.

— Как написал?

Рэн снял обувь, поднялся к себе и бросил сумку у стола. Сунул руку в карман, нащупал конверт, переложил его в ящик стола, под стопку старых тетрадей. Сверху закрыл учебником.

— Восемьдесят четыре, — крикнул он вниз.

Внизу звякнула ложка о край кастрюли:

— Последнее задание опять пропустил?

Рэн не ответил. Он стащил через голову свитер и бросил его на кровать. Шея вспотела, хотя в комнате было прохладно.

— Рэн.

— Что?

— Я спросил: пропустил или нет?

— Пропустил.

Он спустился на кухню. Отец наконец обернулся. У него было лицо человека, который устал задавать один и тот же вопрос, но не разучился ждать ответа. В свете кухонной лампы волосы у висков казались почти седыми — «соль с перцем», как он сам говорил.

— Садись есть, — сказал отец. — Поговорим.

Рэн сел. Суп был горячий, с лапшой и зелёным луком, и пахло от него так, как пахнет в кафе по будням, когда отец варит первый бульон. Рэн ел молча, опустив голову. Ложка позвякивала о тарелку. За окном шуршала ледяная крупка.

— Дело не в баллах, — начал отец. — Хотя восемьдесят четыре — это не то, с чем стоит идти на распределение. Дело в том, что ты сам бросаешь.

— Я не бросаю.

— Последнее задание, — отец поднял палец, — это развёрнутый ответ. Им проверяют умение рассуждать. Ты же не просто цифры считаешь, ты показываешь, как думаешь. Алгоритм это считывает.

Рэн отложил ложку:

— Знаю.

— Если знаешь, почему не пишешь?

— Потому что нечего писать.

Отец долго смотрел на него, втянув щёку. В такие моменты он становился похож на инспектора, проверяющего, не протёк ли шов на чайнике.

— Нечего? — переспросил он. — А как ты тогда собираешься пройти распределение?

Рэн упёрся взглядом в пар над тарелкой. Белый, без формы, поднимается и исчезает. Как снег над крышей.

— Может, не собираюсь, — сказал он тише, чем хотел.

Отец положил ложку. Металл стукнул о край тарелки, резко, будто часы уронили.

— Рэн. Через месяц фестиваль. Тебе шестнадцать — это ещё не окончательное распределение, но предварительный контур система зафиксирует именно там. А его потом почти не сдвинешь. Если ты будешь сидеть и ждать, пока само рассосётся, — не рассосётся. Система назначит реабилитационный сценарий. А это...

— Я знаю, что это.

— Что?

— Кафе. Или уборка улиц. Или склад, — Рэн дёрнул плечом. — Я слышал.

В городе об этом говорили шёпотом, как о болезни, которую нельзя называть вслух. Если не выберешь сам — система выберет за тебя. Не мечту, а необходимость. То, что нужно городу, а не тебе. Кто-то называл это «серый билет». Кто-то — «пустой график». Рэн не любил оба слова.

Отец откинулся на спинку стула:

— Я не хочу, чтобы ты закончил на складе. И я не хочу, чтобы ты думал, будто кафе — это провал. Но и сидеть на месте не дам. Ты должен хоть что-нибудь выбрать.

— Ты уже выбрал за меня, — вырвалось у Рэна.

Отец замолчал. В кухне стало очень тихо — только холодильник гудел, как далёкий поезд.

— Иди к себе, — сказал он наконец. — Подумай. Я за тебя ничего не решаю, но из-под одеяла тебя никто вытаскивать не станет.

Рэн встал. Тарелка осталась недоеденной. Он поднялся к себе, запер дверь и сел на кровать, не включая верхний свет. Сквозь занавеску сочился оранжевый свет уличного фонаря.

Он достал конверт из ящика.

Бумага всё ещё была прохладной, но уже не чужой. Рэн разгладил загнувшийся уголок и перечитал строчки. «Если ты сможешь подняться на крышу в пятницу после уроков, значит, тебе не всё равно». Он перечитал ещё раз. Потом ещё.

Слово «сможешь» было подчёркнуто — тонкая чёрная линия, как игла. Или это ему показалось.

В пятницу после уроков. До пятницы два дня.

Рэн сунул приглашение под подушку и лёг, не раздеваясь. Снизу, из кухни, доносился звук льющейся воды — отец мыл посуду. Потом щёлкнул выключатель, и дом погрузился в темноту.

Рэн лежал с открытыми глазами и слушал, как ледяная крупка царапает стекло. В школе он видел эту дверь сотни раз. Железная, крашенная серой краской, с табличкой «Выход запрещён». На ней были засов и замок. Но кто сказал, что замок нельзя открыть? Кто сказал, что ключ не лежит в кармане у кого-то из старших? Или что дверь просто не приоткрыта по пятницам, когда дежурные уходят раньше?

Кто сказал, что на крыше вообще кто-то есть?

Рэн перевернулся на бок. Под подушкой шуршала бумага. Он закрыл глаза и впервые за долгое время не увидел пустой крыши: теперь на ней стояли люди, только лиц он различить не мог, одни тёмные силуэты, смазанные, как мокрые пятна на бетоне.

Четверг прошёл бессмысленно. Рэн отсидел уроки, переписал домашнее задание у Мину, увернулся от разговора о прогнозе и дважды прошёл мимо лестницы на четвёртый этаж, туда, где за поворотом была дверь на крышу. Оба раза заставлял себя не смотреть.

На третьем уроке Такахаси раздал проверенные работы. Рэн взял свою, не раскрывая, и так и оставил на краю стола. Мину наклонилась через проход:

— У тебя сколько?

— Нормально.

— А там внизу что? Написал комментарий? У меня на полях написано: «Хорошая динамика, но перепроверь знаки». Это плохо?

Рэн всё-таки перевернул лист. Внизу, после итогового балла, красной ручкой было выведено: «Ты сдал через сорок минут. Время было. Подумай, куда ты так спешишь». Рэн быстро сложил работу пополам и убрал в сумку.

— Ничего, — сказал он.

В пятницу утром светило низкое, бледное солнце. День начинался без снега, хотя на пятницу стоял зачёт по физике. В новостях сказали, что в городе временное отклонение от климатического модуля, и муниципальные службы приносят извинения за возможные сбои расписания. У ворот школы толпились ученики, подняв воротники, и все смотрели на небо с подозрением, будто ждали, что оттуда вот-вот посыплется что-то неположенное.

Рэн пришёл раньше обычного. Сменная рубашка лежала в сумке, на дне, придавленная учебником. Он проверил, заперт ли шкафчик, потом отошёл на три шага и снова вернулся. Код семнадцать-двенадцать. Щёлк. Открыто. Внутри всё как всегда: тетради, мешок с формой, чужой шарф. Никакого конверта.

Он закрыл дверцу и прижался лбом к холодному металлу. Сердце бухало глупо, как будто он уже стоял перед той дверью.

— Рэн? Ты что, головой стучишься?

Это была Мину. Она подошла сбоку, прижимая к груди папку с распечатками.

— Просто проверяю, — сказал он.

— Что?

— Всё.

Она недоверчиво сощурилась:

— Ты вчера странный был. И сегодня странный. Слушай, если ты из-за прогноза... Я вчера в совете слышала, что можно подать апелляцию на предварительный контур. Если у тебя там что-то совсем плохое, ты не молчи.

— У меня «там» ничего нет, — сказал Рэн.

— Как это ничего?

— Пусто.

Мину поправила очки, глядя на него так, будто он снова начал шутить несмешно. Потом вздохнула:

— Ладно. Но если передумаешь — приходи. Президент сегодня весь день в кабинете, она может вписать тебя на консультацию.

Президент. Рэн вспомнил приоткрытое окно на четвёртом этаже в среду. Колыхнулась занавеска.

— Не надо, — сказал он слишком быстро. — Я сам разберусь.

После уроков он задержался в классе, дождался, пока все уйдут. Мину ушла к репетитору, помахав на прощание. Такахаси ещё возился за учительским столом, но Рэн сделал вид, что переписывает задание с доски, и не поднял головы, пока за учителем не закрылась дверь.

Тогда он снял со спинки стула пиджак, надел его, переложил конверт из-под учебника во внутренний карман, поправил воротник и вышел в коридор.

Школа пустела быстро. Дежурный на первом этаже уже запер боковой выход, в вестибюле гудело, как в пустом аквариуме. Рэн двинулся к лестнице.

На четвёртый этаж он поднимался медленно. Ступени скрипели под ногами. На пролёте между третьим и четвёртым в окне мелькнул двор — внизу, у мусорных баков, стояли двое выпускников. Рэн не стал вглядываться.

На четвёртом этаже было тихо. В конце коридора — кабинет ученического совета. Дверь прикрыта, но под нею полоска света. Рэн затаил дыхание и свернул в другую сторону, к двери с табличкой.

Табличка была на месте: белый пластик, красные буквы. «Выход запрещён». Рэн остановился в двух шагах. Дверь выглядела запертой. Ручка — латунная, с царапиной у основания. Он коснулся её пальцами.

Холодная. И, кажется, чуть-чуть повёрнута влево, как будто кто-то закрывал её в спешке и не дожал.

Рэн нажал.

Дверь не поддалась.

Он нажал сильнее, повернул ручку до упора. Металл скрипнул, но замок держал. Тогда он отпустил ручку и отступил. Сердце упало куда-то в живот. Вот и всё. Пустая крыша. Табличка смеялась над ним красными буквами.

Он развернулся, чтобы уйти, и в этот момент услышал шаги.

Не за спиной — сбоку, из ниши у запасной лестницы, где висел пожарный шкаф. Рэн замер. Из тени вышла девушка. Короткие тёмные волосы, клетчатая рубашка, закатанные рукава, на локте — полоска пластыря. В руке она держала связку ключей, и один из них, маленький, с круглой дужкой, покачивался у неё на пальце.

— Тебе тоже закрыли? — спросила она, и уголок рта у неё дрогнул.

Рэн не ответил. Смотрел на ключ.

— Ты с приглашением? — уточнила она, уже серьёзнее.

Он сунул руку за пазуху. Конверт показался неожиданно влажным — видимо, ладонь вспотела. Рэн вытащил приглашение и развернул. Девушка мельком глянула на бумагу, на рисунок лестницы, и кивнула:

— Пойдём отсюда. Здесь сейчас совет шатается. Иди за мной.

Она развернулась и пошла к запасной лестнице — вниз, а не вверх. Рэн колебался ровно секунду, потом шагнул следом.

— Мы идём не на крышу? — спросил он.

— Прямо сейчас — нет.

— Тогда куда?

Она не обернулась, но он услышал улыбку в голосе:

— Ты задаёшь вопросы так, будто боишься, что тебя похитят. Если бы я хотела, поверь, ты бы уже не спрашивал.

Они спустились до самого низа. На последней площадке она остановилась, глянула вверх, в пролёт, потом приложила палец к губам и приоткрыла дверь, ведущую в подвальный коридор.

— Есть другой путь наверх, — шёпотом сказала она. — Через технический выход у старой котельной. Выходит на крышу с обратной стороны. Но только если ты готов не просто постоять и посмотреть.

Она посмотрела на него — прямо, без вызова, но и без снисхождения. У неё были очень тёмные глаза, почти чёрные, как графит.

— Ну? — спросила она. — Готов?

Рэн сжал конверт в кармане. «Если ты сможешь подняться на крышу в пятницу после уроков, значит, тебе не всё равно».

— Да, — сказал он.

— Тогда не отставай.

Она потянула дверь, и из подвального коридора пахнуло сыростью, старой извёсткой и ещё чем-то — то ли дождём, то ли озоном — так пахнет воздух перед грозой. Рэн шагнул за ней в темноту, и дверь за его спиной закрылась с мягким, окончательным щелчком.

Клуб на пустой крыше

Подвальный коридор дышал в лицо сырой извёсткой и холодом, который не имел отношения к погоде наверху. Рэн держался на шаг позади девушки, стараясь ступать так же бесшумно, как она, но пол — здесь, внизу, бетонный — отзывался на каждый шаг глухим эхом. Свет пробивался сквозь узкие окошки под самым потолком, полосами падал на трубы, на старые парты, составленные вдоль стены, на вёдра с засохшей краской. Пахло пылью, ржавчиной и ещё чем-то сладковатым, похожим на прелые яблоки.

— Руки к стенам не тяни, — сказала девушка, не оборачиваясь. — Там проводка старая. Иногда искрит.

Рэн опустил ладонь, которую уже почти прижал к холодной штукатурке.

— А как ты узнала про этот путь?

Она фыркнула:

— Ты серьёзно? Сначала «куда идём», теперь «откуда знаешь». Третий будет про то, не состою ли я в совете?

— Нет. Третий будет — как тебя зовут.

Она остановилась у поворота, где коридор раздваивался: одна часть уходила вправо, к массивной двери с навесным замком, другая — влево, к отвесной лестнице из чёрного железа. Повернулась вполоборота, и в полосе света Рэн рассмотрел её лицо. Ровный подбородок, тёмные брови, жёсткая линия рта, который теперь не улыбался.

— Каэ, — сказала она. — И не спрашивай, полное это имя или нет.

— Рэн.

— Знаю. У тебя на приглашении было написано, сверху, мелко.

Рэн машинально потянулся к карману, где лежал конверт, но не достал. На самом листе никакого имени не было — только на конверте, а на конверт она едва взглянула. Но спорить он не стал.

Каэ свернула влево. Лестница уходила вверх по тесной технической шахте, в темноту, к люку под самой крышей, прикрытому ржавой крышкой. Перекладины были узкие, с насечкой от сварки, и вибрировали, когда она начала подниматься.

— Отстаёшь — останешься внизу, — бросила она.

Рэн полез следом. Подъём оказался долгим: шахта шла сквозь все этажи. Лестница скрипела, железо холодило ладони. Наверху Каэ упёрлась плечом в люк, надавила, и крышка поддалась с тяжёлым, неохотным стоном. В проём хлынул бледный дневной свет, и Рэн зажмурился, хотя солнце в городе в эту пятницу было неярким, размытым, как молоко в воде.

Она выбралась первой, потом подала ему руку. Ладонь у неё была сухая и цепкая, как у человека, привыкшего лазать по чердакам и крышам.

Они стояли на технической площадке за выступом вентиляционной шахты, между коробами труб и антенной, наклонённой вправо. Рэн узнал двор школы — с высоты он казался меньше, а мусорные баки у стены выглядели вырезанными из картона. Дальше, за сеткой ограждения, виднелся город: серые крыши, перекрестье улиц, пустая автостоянка у супермаркета. И цепочка облаков на горизонте — длинная, ровная, как товарный состав.

— Сюда.

Каэ обогнула антенну и пошла вдоль ограждения к дальней части крыши, той самой, которая была видна из окна в конце коридора. Рэн узнал это место: ровный прямоугольник бетона, несколько старых деревянных ящиков, вентиляционная труба. Он видел эту крышу в мыслях тысячу раз, но теперь она не была пустой.

На перевёрнутом ящике, подстелив под себя куртку, сидел парень с наушниками на шее. Он первым поднял голову, не вынимая рук из карманов толстовки. Коротко стриженный, с

покрасневшим носом и линялым шарфом, небрежно накрученным вокруг шеи. Рядом с ним, на корточках, сидела девочка в берете с помпоном и рисовала мелом прямо на бетоне — белые окружности расходились из общей точки, как круги по воде.

— Это он? — спросил парень, глядя не на Рэна, а на Каэ.

— Ага. Провела чёрным ходом. Совет не видел.

— Отлично. А то в прошлый раз одного новенького завернули прямо на лестнице, и его потом заставили дежурить три недели.

Девочка подняла голову. Ей было лет четырнадцать, не больше, пухлые щёки, обветренные губы.

— Привет, — сказала она Рэну. — Ты из-за контрольной? У нас все из-за контрольной.

Рэн не понял, что ответить, поэтому просто кивнул. Каэ села на один из ящиков, обхватив колени руками, и указала Рэну на соседний.

— Садись. Стоячего видно с соседнего здания.

Он сел. Доски были холодными даже сквозь брюки. Куртку не подстелил — не хотел выглядеть так, будто собирается задержаться.

Парень снял наушники и убрал их в карман.

— Араи, — представился он. — Второй год. Ну, по факту второй. По возрасту — третий.

— Как это?

— Один год я не ходил. Сидел дома, смотрел в потолок. Мама говорила, у меня «поиск сценария». А по-моему, это называлось по-другому.

Девочка фыркнула:

— У него было, как у всех. Просто он единственный, кто не притворяется. — Она повернулась к Рэну: — Суми. Я не могу выбрать между музыкой и биологией. Вернее, могу, но тогда одна из них умрёт. Так мне говорит мама.

Араи поморщился:

— Не говори при новеньком «умрёт». Он ещё не привык к твоим формулам.

— К каким формулам?

— У Суми всё — формула, — пояснила Каэ. — Если она любит два предмета одинаково, по её версии, вселенная требует выбрать один, иначе они самоуничтожатся. Поэтому она рисует на бетоне.

— Это не «по её версии», — возразила Суми, не поднимая головы. — Это закон баланса. Алгоритм же должен распределить ресурсы города. Если все будут заниматься любимым делом, кто-то останется без хлеба. Поэтому он и вынуждает нас выбирать что-то одно. А если ты отказываешься — выбирает за тебя.

Рэн посмотрел на её меловые окружности. Они напоминали циферблаты, наложенные друг на друга.

— И что ты нарисуешь, когда выберешь? — спросил он.

Она подняла на него глаза — светло-карие, с рыжими крапинками у зрачка.

— Не знаю. Пока рисую промежуточные состояния. Это лучше, чем тетрадь с прогнозом.

Наступила тишина. Ветер шевелил край берета, закручивал пыль у вентиляционной трубы. Где-то внизу, во дворе, хлопнула дверь, и Рэн напрягся, но Каэ не пошевелилась.

— Не дёргайся, — сказала она. — Это технический персонал. Они сюда не смотрят.

— А совет?

— У совета окно на другую сторону. Президент видит только лестницу, поэтому и считает, что крыша под контролем.

Рэн вспомнил приоткрытое окно, колыхнувшуюся занавеску. Ему показалось, что Каэ сказала это с особым удовольствием.

Араи подался вперёд, уперев локти в колени:

— Слушай, новенький. А ты чего боишься?

Вопрос прозвучал слишком просто. Рэн почувствовал, как внутри всё сжимается, будто кто-то затянул шнурок у него под рёбрами.

— Я не…

— Только не говори «я ничего не боюсь», — перебил Араи. — Это здесь не работает. Здесь все боятся. Суми боится, что алгоритм убьёт одну из её половинок. Я боюсь, что уже год, как мой сценарий где-то едет без меня, и я никогда его не догоню. Вон Каэ боится, что…

— Араи, — тихо оборвала Каэ.

Он замолчал. Рэн посмотрел на неё. Каэ сидела, отвернувшись, глядя на город, и покусывала край большого пальца. На скуле у неё белела полоска шрама, которой он раньше не заметил.

— Я тоже не готова рассказывать, — негромко сказала она, не поворачиваясь. — И ничего. Не хочет — не тяни из него.

Араи поднял ладони:

— Всё-всё. Я просто подумал, раз он пришёл…

— Пришёл — значит, ему не всё равно, — договорила Каэ. — Этого достаточно.

Суми нагнулась и продолжила рисовать. Палец у неё был перепачкан в белом, и мел крошился на швы бетона.

— А что будет с тем, кто не придёт? — спросил Рэн.

— Ничего, — ответил Араи. — Просто сценарий. Как у всех остальных.

Он произнёс это слово — «сценарий» — так, как говорят о приговоре, который уже зачитали. Без злости, но с тихой обречённостью.

— А зачем тогда клуб? — Рэн обвёл взглядом крышу. — Если всё равно ничего не изменить?

Каэ медленно повернулась. Теперь он видел её лицо целиком: сухое, острое, с каким-то ровным, почти взрослым упорством во взгляде.

— Затем, что поодиночке страшно, — сказала она. — А вместе — почти смешно.

Она не улыбнулась. Но уголок рта дрогнул — как там, у двери на крышу.

Рэн опустил глаза на свои ладони. На левом запястье, из-под рукава, виднелся край старого резинового браслета, который он носил с начальной школы, — пустая белая полоска, какие когда-то выдавали на «день будущего». Он совсем забыл о нём. Браслет давно выцвел, резина потрескалась, но Рэн так и не снял.

— Я не знаю, как говорить об этом, — сказал он, и голос прозвучал хрипло, будто он долго молчал. — Я даже не знаю, чего боюсь. Просто… когда я пытаюсь представить будущее, я вижу только крышу. Пустую. Без людей. И без сценария.

Он не собирался этого произносить. Слова выскочили сами, как вода из треснувшей трубы. Рэн замолчал, ожидая, что над ним посмеются.

Но никто не засмеялся.

Суми подняла голову:

— Это же нормально. Пустая крыша — лучше, чем неправильный сценарий. У тебя хотя бы есть свобода.

— Свобода — это когда есть пустое место, — тихо добавил Араи. — А не когда ты заполняешь его первым, что дадут.

Каэ ничего не сказала, только кивнула, коротко, как бы ставя точку. И Рэну вдруг показалось, что впервые за долгое время кто-то услышал его, не требуя объяснений.

Они сидели на крыше до тех пор, пока тень от соседнего здания не переползла через ограждение и не легла холодной полосой на ящики. Каэ достала из кармана мобильный и посмотрела на экран.

— Через восемнадцать минут включают вечерний контроль периметра. Нам пора.

Араи поднялся, потянулся, так что хрустнули суставы, и стал помогать Суми стирать мел старой тряпкой, которую откопал под вентиляционной трубой.

— Ты всё равно не успеешь стереть, — заметила Суми.

— Не критично. Дождь смоет.

— А если не будет дождя? В сводке же сказали: отклонение от климатического модуля.

Араи пожал плечами:

— Тогда завтра придёшь и дорисуешь звёзды. Превратим всё это в карту неба.

Каэ уже стояла у люка, дожидаясь, пока Рэн подойдёт.

— Спускаешься сразу за мной, — сказала она. — Если что — идёшь по коридору, никуда не сворачиваешь, выходишь через запасную дверь у спортзала. Понял?

Рэн кивнул.

— И ещё. — Она наклонилась к нему ближе, и он ощутил лёгкий запах жевательной резинки, смешанный с пылью крыши. — То, что ты увидел сегодня, остаётся здесь. Не для совета. Не для родителей. Не для Мину.

— Откуда ты знаешь про Мину? — вырвалось у него.

Каэ не ответила. Она уже спускалась в проём, и её тёмный затылок скрылся в люке, оставив в Рэне странное, зудящее чувство, что о нём здесь знают больше, чем он успел рассказать.

Внизу, в подвальном коридоре, они разошлись. Суми и Араи ушли первыми — в сторону левого крыла, к раздевалкам. Каэ задержалась у запасной лестницы.

— Выйдешь через дверь у спортзала, — повторила она. — Сейчас дежурный обходит первый этаж, но это займёт у него шесть минут. Успеешь.

Рэн помедлил на последней ступеньке:

— А если я захочу прийти ещё?

Каэ уже открывала дверь. Она остановилась, не оборачиваясь. Потом глянула через плечо, и в полумраке её глаза блеснули.

— В пятницу. В то же время. Если придёшь — значит, ответил на приглашение. Если нет… — она пожала плечами, — значит, просто постоял и посмотрел.

Она ушла, неслышно прикрыв дверь. Рэн постоял один в темноте, слушая, как где-то капает вода в старую бочку, и вышел через запасную дверь, когда на первом этаже затихли шаги дежурного.

Дома он не стал прятать конверт обратно в ящик. Вместо этого положил его на подоконник, разгладил и придавил книгой, чтобы не скручивался. Из кухни пахло жареным луком, отец смотрел новости — короткие, тревожные: климатический модуль нестабилен, мэр обещает разобраться до понедельника.

— Рэн? — позвал отец, не отрываясь от экрана.

— Я у себя.

— Ужинать будешь?

— Позже.

Он закрыл дверь и сел на кровать. В голове крутились обрывки фраз: «Поодиночке страшно, а вместе — почти смешно». «Пустая крыша — лучше, чем неправильный сценарий». «Если придёшь — значит, ответил».

Рэн смотрел на приглашение, на рисунок лестницы, уводившей к прямоугольнику неба. Теперь эта лестница не казалась ему чужой.

Он достал из сумки сменную рубашку, повесил её на спинку стула и вдруг заметил, что из кармана пиджака торчит белый уголок. Сердце сжалось раньше, чем он понял. Рэн потянул за уголок — сложенный вчетверо лист, чужой. Клочок бумаги с неровным краем, вырванный, кажется, из тетради в клетку.

Он развернул его.

Там было написано той же чёрной гелевой ручкой, с наклоном вправо, всего одна строка:

«Ты уже на крыше. Теперь реши, что ты там делаешь».

Подписи не было. Рэн перевернул лист, но обратная сторона была пустой. Он точно не клал его в карман. Когда он выходил из школы, карман был застёгнут.

За окном снова зашуршал снег — мелкий, редкий, как будто город не мог решить, какой сегодня день по календарю. Рэн сжал клочок в кулаке и подошёл к окну. В жёлтом свете уличного фонаря снежинки падали неровно, зигзагами, словно натыкались на невидимые провода.

Где-то далеко, над центром города, горела красная полоска климатической башни. Мигала с перебоями, как сердце, сбившее ритм.

Рэн стоял и смотрел, пока бумага в кулаке не стала влажной. Он не знал, кто вложил записку. Но крыша, которую он годами видел внутри себя, больше не была пустой.

Чужие маски страха

Рэн проснулся от запаха подгоревшего риса и ещё не успевшего остыть дома — того особенного холодка, который скапливается в углах, если ночью не выключали обогреватель. Снег к утру не растаял, хотя в сводке снова обещали плюс. Несколько секунд он лежал, глядя на приглашение, придавленное книгой на подоконнике. Белый прямоугольник отсвечивал с улицы, как кусок льда.

В голове снова прокрутилась вчерашняя записка: «Ты уже на крыше. Теперь реши, что ты там делаешь». Он так и не выбросил её. Ночью вставал дважды — сначала за водой, потом просто подойти к окну. Клочок лежал на столе, разглаженный, но всё равно заломленный по диагонали. Рэн перевернул его ещё раз, будто от утреннего света могла проступить подпись.

Не проступила.

Он оделся, постоял у зеркала, растирая заспанное лицо, и спустился в кафе. Отец уже стоял за стойкой и резал лук, щурясь в сторону включённого радио. Из динамика негромко бубнил голос о новой задержке в настройке климатического модуля. Отец выключил радио, не дослушав.

— У нас нет тушёного лука, — сказал он, не оборачиваясь. — Зато есть твой завтрак. На плите.

— Я не спешу.

— Значит, опоздаешь. Снег делает людей медленными.

Рэн не ответил. Сел за пустой столик у окна, провёл пальцем по клеёнке. После вчерашнего разговора с клубом всё в кафе казалось ему слишком громким, слишком ярким. Даже запах лука бил в нос резче, чем раньше.

Отец поставил перед ним тарелку риса с яйцом и две хрустящие хлебные палочки.

— Ешь. И не сутулься.

Рэн взялся за еду. Есть не хотелось, но он заставил себя отправить в рот немного риса. За окном шевелилась вывеска кафе — «Тёплый рис», — и её край царапал по стеклу, когда ветер поворачивал с переулка. В груди снова шевельнулось то чувство, с которым он засыпал: будто внутри появилось второе сердце и билось чуть сбоку от обычного.

— Пап, — начал он.

Отец поднял голову.

— Ты когда-нибудь думал, что выбрал кафе не потому, что хотел, а потому, что так надо было?

Отец ответил не сразу. Лицо у него осталось спокойным, только лук он резал чуть быстрее, чем требовалось.

— Надо было — это не ругательство, Рэн. — Он бросил нож в раковину, вытер руки о передник, повернулся. — Твой дед держал это кафе. Я держу. Каждый день сюда приходят люди, которые знают, что закажут. Это и есть будущее. Надёжное.

— А если бы тебе в шестнадцать сказали, что у тебя выбрано, тебе бы понравилось?

— В шестнадцать мне нравилось только ломать велосипеды. — Отец улыбнулся коротко, но взгляд остался серьёзным. — Дорастёшь — поймёшь: не всё, что нравится, стоит выбирать.

Рэн хотел возразить, но промолчал. На языке вертелись слова Араи про пустое место и свободу, но здесь, в кафе, они звучали бы глупо. Он молча доел рис и вышел на улицу, натянув шарф до самого подбородка.

До школы он дошёл быстрее обычного. Ноги сами несли к серому зданию, а мысли кружили вокруг одного и того же: почему Каэ знала про Мину? Кто сумел расстегнуть его карман и не привлечь внимания? И почему от этой неизвестности ему становилось не жутко, а наоборот — легче, как будто потерянный предмет наконец нашёлся, пусть и не у него в руках.

Вторая неделя пошла быстрее первой. Ещё в среду, перед контрольной по истории, снег выпал ровно в девять сорок — снова, как заметила Мину, с опозданием на четыре минуты.

— Климатический модуль не тянет, — сказала она, догоняя его в коридоре. — Вчера на собрании говорили, что городская комиссия хочет ввести ручной режим.

— А это плохо?

— Это значит, что алгоритм перестанет быть абсолютным. — Мину поправила очки и посмотрела на него так, будто он спросил, зачем нужен учебник. — Если погоду можно будет включать вручную, то в любой момент кто-то может включить снег, когда захочет. Или не включить. Тогда как нам готовиться?

Рэн вспомнил меловые окружности Суми, трещины на бетоне крыши.

— А может, это хорошо, если не всё предсказуемо.

Мину фыркнула:

— Для тебя всё хорошо. Ты даже прогноз не проверяешь.

— Может, в этом и дело.

Она посмотрела на него удивлённо, но ничего не ответила, только погладила косичку и свернула к кабинету. Рэн остался в коридоре, глядя, как за окном косо летит снег, и вдруг понял, что ждёт пятницы сильнее, чем конца уроков. Это чувство пугало и грело одновременно.

В пятницу на крыше было холоднее. Ветер гнал по бетону колючую крупку, и небо над городом стояло белёсое, как неотбеленная простыня. Рэн поднялся через люк последним. Каэ, как и в прошлый раз, пошла вперёд, а Араи уже сидел на ящике, накинув поверх толстовки чью-то серую кофту с дырой на локте.

— О, новенький, — оживился он. — А мы думали, ты после первых десяти минут одумался.

— Я не одумался.

— Значит, точно ненормальный. Проходи, не стой на сквозняке.

Суми примостилась на корточках возле вентиляционной трубы и рисовала новую фигуру — не окружности, а длинные, расходящиеся лучи, похожие на веер из белого порошка. Берет сполз набок, кончик носа покраснел сильнее обычного.

— Сегодня рисуешь другое, — заметил Рэн, садясь на ящик рядом с Араи.

— Это не окружности. Это предполагаемые траектории, — не оборачиваясь, ответила Суми. — Если выбрать биологию, я пойду по одному лучу. Если музыку — по другому. Они ветвятся.

— И какой из них твой?

— Никакой. Пока не выбрал, ты всегда стоишь в точке ветвления. Это же физика.

— Это не физика, — фыркнул Араи. — Это твоя личная религия.

Суми наконец глянула на него, но не обиделась, а улыбнулась — уголком рта, хитро, будто ждала этих слов.

— Лучше расскажи Рэну, как ты вчера весь вечер сидел в наушниках с выключенной музыкой, чтобы мама думала, что ты не слышишь их разговоров. Тоже, между прочим, маска.

— Это не маска, — спокойно ответил Араи. — Это стратегия.

— Ага. «Стратегия» — это когда боишься, что родители спросят снова, куда делся твой сценарий.

Рэн заметил, как лицо Араи на долю секунды стало пустым, словно кто-то выключил в нём свет. Потом он снова ухмыльнулся:

— Спросят — отвечу, что сценарий уехал на автобусе. Пусть ищут.

Но шутка не прозвучала смешно. Рэну стало неловко. Араи слишком быстро перевёл взгляд на город, и его пальцы сжали край кофты, как будто там была дырка, которую можно расковырять до нитки.

Каэ молчала. Она села ближе к ограждению, подтянув колени к груди, и грызла большой палец. В свете белёсого неба её лицо казалось бледнее, а шрам на скуле — длиннее. Рэн подумал, что за всё время она не сказала ему ни одного сколько-нибудь личного слова, кроме предупреждений. Каэ словно стояла между ними и крышей, но самой её на этом месте не было.

— А ты? — внезапно спросила она, не поворачиваясь. — Ты зачем вернулся?

Араи и Суми разом замолчали и уставились на Рэна. Ветер бросил в глаза мелкую снежную пыль, и он заморгал.

— Потому что без вас я видел пустую крышу. А теперь она не пустая.

— Это не ответ, — отрезала Каэ.

— Это всё, что у меня есть.

Она повернулась. Глаза у неё были непроницаемые, как два уголька под золой.

— Врёшь. Ты пришёл, потому что тебе страшно остаться одному с этой пустотой. Но ты пока не решил, чей ты. Наш или совета.

— Совета? — Рэн даже подался вперёд. — Я сюда поднялся через люк. О каком совете речь?

— Президент тебя слышала. — Каэ произнесла это ровно, по слогам. — В среду ты разговаривал с Мину возле кабинета совета. Дверь была приоткрыта. И президент совета Сакураи слышала, как ты сказал, что непредсказуемость может быть хорошей.

— Я сказал это Мину, а не тебе.

— Мне и не надо говорить. Я знаю. У меня свои уши.

Араи присвистнул, не разжимая губ. Суми застыла с мелом в пальцах, забыв о рисунке.

— И что с того? — спросил Рэн. — Я не предатель. Я просто разговаривал с одноклассницей.

— Мину — не просто одноклассница. Она у Сакураи в активе, — проговорила Каэ, — и докладывает, если кто-то ведёт себя «нестабильно». Или ты думал, что совет ничего не знает о твоём пустом прогнозе?

У Рэна в груди словно открылась форточка и впустила мороз. Он вспомнил, как Мину каждый день спрашивала его про прогноз, как смотрела на его пустой бланк в начале учебного года. Её маленькие, злые очки, её косички, затянутые туже, чем нужно. Всё это время она могла не просто заботиться.

— Я ей не говорил про клуб, — выдавил он.

— Даже если бы и сказал, уже поздно. — Каэ встала, отряхнула ладони от снега. — Она тебя ведёт. Пассивно. Просто следит за тем, как ты мечешься, и записывает. Рано или поздно Сакураи использует тебя, чтобы выйти на нас. Твоя маска — не пустая крыша. Твоя маска — вежливый мальчик, который со всеми говорит. Это самое опасное.

Она замолчала. В её голосе не было злобы — только холодная, ясная тревога, от которой Рэну стало хуже, чем от любой угрозы.

— Что же мне тогда делать? — спросил он тихо.

Каэ пожала плечами:

— Решить, наконец, что ты делаешь на крыше.

Она подошла к люку, потопталась у края, стряхивая снег с ботинок. Араи поднялся следом и хлопнул Рэна по плечу:

— Добро пожаловать в клуб «почти взрослых». Тут у всех маски. У тебя тоже.

Он улыбнулся, на этот раз по-настоящему, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, братское. Суми спрятала мел в карман куртки, и все трое начали собираться.

Рэн остался сидеть. Он смотрел, как Суми затирает рисунок варежкой, оставляя на бетоне длинный белый след, похожий на перебитое крыло. Её «точка ветвления» исчезла под ногами.

— Что ты там про меня напридумывала? — спросил он её, когда она проходила мимо.

Суми помедлила.

— Про тебя? Ничего. Это ты сегодня только про нас и думаешь.

— Откуда ты знаешь?

Она улыбнулась уголком рта, точно так же, как недавно — Араи.

— Потому что ты всё время смотришь на нас, как будто хочешь запомнить, как мы исчезаем. Ты смотрел так на мои меловые линии, на Араи, на Каэ. Но не на себя. Вот и маска.

Она пошла к люку, а Рэн остался на месте. Слова Суми осели внутри, как холодная вода на дно колодца. Он и правда не смотрел на себя.

На обратном пути он снова шёл один. Дверь у спортзала оказалась приоткрыта, и он выскользнул в сумерки, стараясь не хрустнуть гравием на старой дорожке. На углу, у мусорных баков, стояла чья-то фигура в тёмной куртке с капюшоном. Едва Рэн поднял голову, она быстро свернула за угол.

Он остановился. Сердце стукнуло в горле.

Не показалось ли? Снег пошёл гуще, мягкий и липкий, и следы на асфальте сразу же расползались тёмными пятнами. Рэн подошёл к углу. За ним тянулся узкий проход между школой и слепой стеной, упиравшийся в решётку. Пусто. Только чей-то шарф лежал на снегу — линялый, серо-синий, с оборванной ниткой.

Наклонившись, Рэн поднял его. Шарф был ещё тёплым, как будто сняли только что. Он узнал бы этот шарф где угодно. Араи.

Но Араи ушёл в другую сторону, вместе с Суми и Каэ. Или нет? Рэн выпрямился, вглядываясь в темноту прохода. Снег забивался за ворот, холод пробирался под куртку. Шарф пах дымом и чем-то сладковатым, как лежалые яблоки.

Впереди, за решёткой, мигнула красная полоска климатической башни. Секунда — свет погас. Потом загорелся снова, но не красный, а белый, пульсирующий, как чужой зрачок, впервые посмотревший на город.

Рэн стоял, сжимая шарф, и не мог заставить себя ни пойти вперёд, ни вернуться назад. Впервые за эту неделю он пожалел, что поднялся на крышу.

А сзади, у двери спортзала, медленно, со скрежетом закрылась щеколда. Без ветра. Сама по себе.

Идеальный порядок под угрозой

Понедельник начался с того, что у шкафчика Рэна стоял незнакомый парень с нарукавной повязкой ученического совета. Он не прислонился к дверце и не листал телефон, а стоял ровно, заложив руки за спину, будто ждал не человека, а поезд. Рэн замедлил шаг ещё в конце коридора, но повязка уже заметила его и шагнула навстречу.

— Рэн?

— Допустим.

— Президент Сакураи просила передать. — Парень вынул из нагрудного кармана сложенный лист с гербом школы и вложил Рэну в руку, не дожидаясь согласия. — После уроков. Кабинет совета. Не опаздывай.

Он не сказал «пожалуйста». Рэн посмотрел на бумагу, потом на повязку, потом на свои руки. Пальцы сами сжали лист, и уголок хрустнул, как сухой снег под подошвой.

— А если у меня планы?

— Значит, отменятся. — Парень улыбнулся одними губами и, не попрощавшись, зашагал к лестнице.

Рэн остался у шкафчика, чувствуя, как в горле поднимается холод, не имеющий отношения к климатическому модулю. Он не стал читать извещение в коридоре; сунул его в карман. Шарф Араи лежал в сумке, завёрнутый в пакет: Рэн так и не понял, как его отдать. В пятницу он никого не догнал — постоял у решётки, услышал, как за спиной сама собой лязгнула щеколда, и побежал домой, прижимая к груди тёплую линялую ткань.

До звонка оставалось семь минут. Снег в то утро не пошёл — понедельник, обычный учебный день, — и за окнами лежала серая сухая стылость. Рэн всё-таки открыл шкафчик, стараясь не думать о вызове. Внутри пахло старыми обоями, как всегда. Он повесил куртку, проверил полку, переставил сменную рубашку. Пусто. Никаких конвертов. Только на внутренней стороне дверцы, у самого края, кто-то оставил три крошечные царапины, которых раньше не было.

Он провёл по ним ногтем. Три черты, одна над другой, — лестница без перил. Или график падения.

— Что, опять прогноз не проверяешь? — раздалось сбоку.

Мину стояла, прижимая к груди стопку тетрадей, и улыбалась той самой улыбкой, которая всегда казалась Рэну чересчур аккуратной. Косички сегодня были затянуты ещё туже, очки сидели ровно, как у манекена.

— Тебя это волнует? — спросил Рэн, закрывая дверцу.

— Меня волнует, что ты в последнее время ведёшь себя странно. Люди замечают.

— Какие люди?

— Разные. Кому важно, чтобы школа оставалась школой. — Она перехватила тетради и наклонила голову. — Я слышала, тебя вызывает президент.

— Слышала? Или сама ей сообщила?

Мину моргнула. Медленно, как кошка, разбуженная громким звуком. Потом поправила очки, и её улыбка стала чуть шире, но в ней проступила трещинка.

— Странный ты стал, Рэн. Раньше ты не задавал таких вопросов.

— Раньше я не задавал никаких.

Он ушёл, не дослушав ответа. Ноги несли его по коридору, а в ушах стучало: «она тебя ведёт», «Сакураи использует тебя», «вежливый мальчик». Всё это, оказывается, было не сплетнями. Всё это было про него, и теперь он шёл прямо в распахнутую дверь, из которой тянуло сквозняком чужого внимания.

Уроки тянулись как вата, намоченная в холодной воде. Рэн не запоминал, что говорили учителя. На истории он трижды перечитал один и тот же абзац про климатический кодекс, но видел только белые строчки. На перемене после третьего урока он вышел к туалетам на втором этаже и через окно заметил, как по двору идёт Сакураи — невысокая, прямая, с чёрным портфелем, из которого торчала папка. Она не смотрела по сторонам. Она смотрела вперёд, на школьные ворота, словно уже знала, кто через них войдёт.

Рэн отступил от окна. Мысль о том, что через четыре часа он будет стоять перед ней в кабинете, пугала меньше другой: в сумке у него лежит шарф Араи — кусок той самой крыши, которую обещали никуда не выносить.

После уроков он не пошёл сразу. Посидел в читальном зале, делая вид, что учит формулы, и дождался, пока коридоры опустеют. Потом поднялся на четвёртый этаж по запасной лестнице, чтобы никого не встретить. Дверь кабинета совета была приоткрыта на три сантиметра, и из неё падала полоса ледяного света.

Он вошёл.

Кабинет оказался таким, каким он его представлял: длинный стол, шесть стульев, шкаф с папками, жалюзи, опущенные ровно до середины. Но сейчас здесь стоял ещё один стул — напротив стола, посередине, на голом полу, как для наказанного. За столом, за кипой документов, сидела президент Сакураи. Она не подняла головы, пока Рэн не остановился у края стола.

— Садись, — сказала она, не глядя.

Рэн сел. Стул скрипнул, и звук прозвучал слишком громко. Сакураи наконец отложила ручку, сложила руки перед собой и посмотрела на него.

Он впервые видел её так близко. Овальное лицо, тёмные волосы, собранные в низкий узел, ни одна прядь не выбилась. На правом рукаве — тонкая золотая нить, знак главы совета. Глаза у неё были не чёрные, как показалось издалека, а глубокого болотного цвета, холодные и нездешние.

— Ты знаешь, зачем ты здесь, — произнесла она. Не спросила — констатировала.

— Догадываюсь.

— Тогда перейдём сразу к делу. — Она выдвинула ящик стола, достала прозрачную папку и выложила перед собой. Внутри Рэн увидел ксерокопии каких-то списков и лист с размытой фотографией. — В пятницу ты поднялся на крышу. В пятницу до этого — тоже. Я видела, как ты выходишь из-за запасной лестницы, когда камеры в основном коридоре показывают пустоту. Ты не проходил через центральный вход.

Рэн стиснул колени. В голове зашумело.

— Крыша закрыта, — продолжала Сакураи, — и это не решение совета. Это правило города. Каждый запертый выход — часть школьного сценария. И когда его нарушают, алгоритм видит сбой.

— На крыше ничего не ломается. Там только ветер.

— Ветер тоже часть системы, — отрезала она. — Но я позвала тебя не для лекции по климату. Я знаю про клуб.

Рэн старался не отвести взгляд. Сакураи смотрела ему в переносицу, не моргая. Он вдруг понял, что она повторяет этот приём каждый раз, когда нужно, чтобы человек почувствовал себя прозрачным.

— Какой клуб?

— «Будущее без сценария». — Она произнесла название так, будто это диагноз. — Ты пришёл туда по приглашению. Приглашение из твоего шкафчика. Дальше — подвальный коридор, техническая площадка, ещё трое учеников. Мне продолжить?

У Рэна пересохло во рту. Он пересчитал про себя: Каэ, Араи, Суми. Она знала даже число. Значит, кто-то говорил. Или не только Мину следила.

— Зачем вы меня сюда позвали, если уже всё знаете?

— Затем, что ты отличаешься от них, — сказала Сакураи. — У тебя нет личной истории нарушений. Твой индивидуальный прогноз нестабилен, но алгоритм не отметил тебя как отклонение. Пока. Твоя семья — уважаемая в районе. Твой отец содержит кафе. Ты можешь выйти из этого без последствий, если решишь сейчас.

Она поднялась и обошла стол. Остановилась у него за спиной. Рэн услышал, как тихо скользнула ткань её формы, и почувствовал на затылке не взгляд, а что-то вроде иголочки.

— Твой отец знает? — спросила она.

— О чём?

— О том, что его сын посещает нелегальные собрания.

Рэн развернулся на стуле, едва сдерживаясь, чтобы не вскочить.

— Это не нелегальные собрания. Мы просто разговариваем.

— Разговор без сценария — это уже политический акт. — Сакураи вернулась к столу, взяла папку и небрежно бросила её перед Рэном. — Через две недели совет рассмотрит вопрос о перераспределении ресурсов на зимний фестиваль. Любая нестабильность в старших классах ставит под угрозу весь городской сценарий. Особенно сейчас, когда климатический модуль даёт сбои.

Рэн не открывал папку. Сквозь прозрачный пластик и так была видна фотография: размытый силуэт на крыше, снятый с большого расстояния. Он тотчас узнал себя — по поднятому воротнику.

— Откуда это?

— У совета есть наблюдатели. И не только на лестнице.

— Окно вашего кабинета выходит на другую сторону.

Сакураи впервые улыбнулась. Настоящей улыбкой, но от неё Рэну стало только холоднее.

— Ты думаешь, я вижу мир только из окна?

Она села, откинулась на спинку стула и посмотрела на него уже не как на преступника, а как на задачу, которую нужно решить до конца перемены.

— Допустим, у меня есть список всех, кто был на крыше в последние два месяца. Допустим, я знаю, кто оставил тебе приглашение и кто подложил записку в карман. Допустим, я не отправила этот список в городскую администрацию только потому, что один из вас мне пока интересен.

— Кто?

— Ты. — Она наклонилась вперёд, и её голос стал ниже. — Потому что ты ещё не выбрал сторону. Ты ходишь на крышу, но держишь дистанцию. Ты дружишь с Мину, но не рассказываешь ей главного. Ты несёшь в сумке чужой шарф, но не отдаёшь. Ты застрял между сценарием и его отсутствием. И именно таким людям, как ты, алгоритм ломает жизнь в первую очередь.

Рэн сглотнул. Пальцы вцепились в край стула.

— Что вы хотите?

— Две вещи. — Сакураи вынула из папки лист и придвинула к нему. — Первое: ты приведёшь меня на следующее собрание. Не физически. Расскажешь, когда оно будет, и обеспечишь, чтобы я могла видеть и слышать. Второе: ты назовёшь имя того, кто подложил тебе записку. И тогда я закрою папку. Твой прогноз останется чистым. А кафе твоего отца продолжит получать лицензию без проверок.

Рэн смотрел на лист. Он был пуст, но по нему шли едва заметные линии водяных знаков. Имени Рэн не знал и сам. Но говорить этого не стал.

— А если я откажусь?

— Тогда в эту пятницу на крыше будет проведена инспекция. Со всеми вытекающими. И первым в протокол попадёт имя человека, который привёл тебя туда. — Сакураи сделала паузу. — Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя пострадала Каэ?

У Рэна дёрнулось плечо. Он не называл Каэ. Откуда президент знала? Он сидел, глядя на пустой лист, и слышал, как в стенах кабинета, за шкафом, еле слышно гудит нагреватель. Гудел ровно, как тишина в наушниках Араи, в которых не играла музыка.

— Откуда вы знаете про Каэ? — спросил он тихо.

Сакураи развела руками.

— Я же говорила: у совета есть наблюдатели. И уши.

Она поднялась, давая понять, что разговор окончен. Подошла к окну и подняла жалюзи до самого верха. Серый свет залил кабинет.

— У тебя есть время до среды. Если в среду после уроков я не получу имя и дату — в пятницу всё закончится. Не только для тебя.

Рэн встал. Ноги были ватные, но он не пошатнулся. Стул за ним остался стоять ровно.

— Вы говорите так, будто алгоритм важнее людей.

— Алгоритм и есть люди, — ответила Сакураи, глядя в окно. — Только они не всегда это понимают.

Она не обернулась, когда Рэн пошёл к двери. Он уже взялся за ручку, когда услышал её голос снова — на полтона тише, будто она говорила сама с собой:

— Я тоже когда-то думала, что крыша — это свобода. Пока не увидела, сколько людей падает с неё вниз.

Рэн замер. Он хотел обернуться и спросить, что это значит, но внутренний голос крикнул: не сейчас. Он толкнул дверь и вышел в пустой коридор, где пахло лавандовым моющим средством и холодной пылью.

Только на первом этаже, у выхода к спортзалу, он остановился и опёрся о стену. Его мутило. Лист из совета жёг карман. Он всё ещё видел болотные глаза Сакураи и слышал её последнюю фразу. «Сколько людей падает с неё вниз».

Он не знал, что это: угроза, признание или ловушка. Ясно было одно: она знала про Каэ, про записку, про шарф. И, кажется, намного больше, чем говорила.

В кармане пиджака зажужжал телефон — эсэмэс. Рэн вытащил его. Сообщение пришло со скрытого номера: «Не ходи домой сразу. За тобой следят от совета. Встречаемся под аркой чёрного хода в 18:00».

Подписи не было. Но Рэн не сомневался, кто пишет.

Каэ.

Он поднял голову и посмотрел на климатическую башню за окном. Красная полоска мигала быстро-быстро, как пульс. Потом погасла. И вместо неё по небу поползла белая, дрожащая линия — как меловая трещина на бетоне, как шрам на скуле.

Внутри всё сжалось в комок. Он не знал, сдать ли клуб, отказать ли Сакураи или врать всем сразу. Но теперь он точно знал, что пустая крыша больше не спасёт.

Он отошёл от стены, поправил сумку, в которой лежал чужой тёплый шарф, и пошёл к чёрному ходу.

За спиной, у двери спортзала, снова что-то мягко лязгнуло. На этот раз Рэн не обернулся.

Семейное кафе и чужая судьба

Арку чёрного хода Рэн нашёл уже в сумерках; до шести оставалось двенадцать минут. Аркой это только называлось: узкий проём между задней стеной спортзала и забором из ржавой сетки. Сетку у земли выгнуло, как будто кто-то пролезал здесь много раз и с каждым разом отгибал её всё сильнее. Под ногами хрустел гравий, смешанный с ледяной коркой. Рэн встал так, чтобы видеть и школьный двор, и тёмный переулок за сеткой. Камеры сюда не доставали — по крайней мере, он надеялся.

Куртка намокла на плечах. Он не почувствовал, когда именно начался дождь, — просто воздух стал плотным, пахло мокрым цементом и мокрым железом, как в подвале перед грозой. «За тобой следят от совета», — всплыло в голове. Рэн оглянулся. У дальнего крыла школы мигнул фонарь, но никто не двигался.

Шаги раздались с той стороны, откуда он не ждал. Не по гравию — по бетонной плите у забора, почти бесшумно. Каэ вынырнула из-за старой трансформаторной будки. Капюшон был натянут до бровей, но Рэн узнал её по тому, как она держала правую руку — чуть отставленной, словно готова была в любой момент сунуть её в карман за ключами.

— Долго стоять будешь? — спросила она вместо приветствия.

— Думал, ты не придёшь.

— Я всегда прихожу туда, куда сама зову. — Она обошла его, встала так, чтобы видеть одновременно и арку, и дорожку к школе. — Сакураи тебя сильно прижала?

Рэн выдохнул облачко пара. Только сейчас понял, что всё это время сжимал в карманах кулаки.

— Она знает про клуб, про крышу, про тебя. Знает, что в моём кармане была записка. У неё есть наблюдатели и список всех, кто поднимался за последние два месяца.

Каэ не удивилась. Только дёрнула плечом, сбрасывая капюшон. Короткие волосы слиплись от влаги, на виске темнела царапина, которой Рэн раньше не замечал.

— И что попросила?

— Чтобы я привёл её на следующее собрание. Дал возможность видеть и слышать. И назвал имя того, кто подложил записку.

— А ты?

— Ничего.

Каэ долго смотрела на него. Дождь сыпал между ними, как мелкая крупа, оседал на ресницах. Рэн вдруг подумал, что в её лице есть что-то от той самой лестницы с приглашения, — резкие углы, которые ведут вверх, к прямоугольнику неба.

— Это хорошо, — сказала она. — Если бы ты согласился с ходу, я бы сейчас стояла на другом конце города.

— Ты знала, что она вызовет меня?

— Догадывалась. У неё свой график. Раз в две недели она вызывает кого-нибудь из «нестабильных» в кабинет и предлагает выбор: сдай чужое — останешься чистым. Обычно сдают.

— Почему ты не предупредила?

— Потому что это должно было случиться с тобой. И потому что мне нужно было знать, что ты сделаешь без подсказки.

Рэн сжал зубы. Внутри поднималась злость — не столько на Каэ, сколько на себя, на то, что он снова оказался в роли человека, из которого вытаскивают решения, как нитку из старой ткани.

— Она дала мне до среды, — сказал он. — Если в среду я не принесу имя и дату, в пятницу на крыше будет инспекция. Первым в протокол попадёт тот, кто привёл меня. Это ты.

— Я знаю.

— И что ты будешь делать?

Каэ усмехнулась, но не весело. Достала из внутреннего кармана что-то маленькое, белое. Кусочек мела. Протянула Рэну.

— Держи. Завтра на большой перемене поднимись на третий этаж, к отопительной нише у кабинета биологии. Там на трубе Суми оставила знак. Сотри его и нарисуй три линии — как на шкафчике. Она поймёт, что за тобой следят.

Рэн взял мел. Тот был холодным и шершавым.

— А если меня увидят?

— Следят не за каждым шагом. Только у школы и у кафе. Поэтому домой иди длинной дорогой, через дворы, и не выходи на центральную улицу. Шарф Араи отдай мне.

Рэн наклонился, расстегнул сумку. Шарф лежал в целлофановом пакете, тёплый на ощупь, пахнущий чужой толстовкой и пылью крыши. Каэ взяла его, не глядя, засунула в рюкзак.

— Араи переживал, — сказала она. — Теперь успокоится.

Она уже поворачивалась, но Рэн тронул её за рукав.

— Каэ. А что, если Сакураи не врёт? Ну, про крышу, про сценарий, про то, что алгоритм видит сбой. Вдруг от меня только хуже?

Каэ высвободила рукав. Взгляд её был тяжёлым, но не злым.

— Хуже уже было, когда ты сидел дома и делал вид, что пустая крыша тебя устраивает. А теперь, если не решишь сам, за тебя решат двое — она и твой отец. Ты этого хочешь?

Не дожидаясь ответа, она шагнула к сетке, поднырнула под выгнутый край и исчезла в мокрой темноте. Только слышно было, как хлюпнула подошва по луже где-то за забором.

Рэн постоял, разглядывая место, где только что была Каэ. Потом сунул мел в карман куртки и двинулся в противоположную сторону — через дворы, мимо перевёрнутых баков и старой детской площадки, где на ветру скрипели пустые качели.

Домой он добрался через сорок минут. Задняя дверь кафе была приоткрыта на ладонь, из щели тянуло бульоном и жареным луком. Рэн вошёл, стараясь не стукнуть дверью, снял мокрую куртку и перекинул через локоть. В зале горела только одна настенная лампа, жёлтая, как старый абажур. Отец сидел за угловым столиком, не у кассы, а на месте для посетителей. Перед ним лежали раскрытые папки с бумагами, кружка давно остывшего чая и телефон экраном вниз.

— Сядь, — сказал он.

Рэн сел. Стул напротив скрипнул, и звук опять был как в кабинете Сакураи — громкий, неуместный. Отец не поднял глаз. Он водил пальцем по строчкам какого-то бланка, будто искал нужную цифру.

— Тебе сегодня звонили из школы?

— Нет.

— А мне звонили. Девушка, представилась секретарём совета. Спросила, знаю ли я, что мой сын посещает закрытую зону.

Рэн похолодел. Ладони, ещё мокрые от дождя, прилипли к коленям.

— И что ты сказал?

— Сказал, что мой сын помогает мне в кафе по вечерам и по закрытым зонам не ходит. — Отец наконец поднял голову. Под глазами у него легли тёмные полукружья, каких Рэн не видел с той зимы, когда ушла мама. — А теперь я спрашиваю: я соврал?

Вопрос повис между ними, как пар над кастрюлей. Рэн открыл рот, но слова не шли. В горле стоял ком из дождя, бульона и чужих имён.

— Я не делаю ничего плохого, — выдавил он.

— Закрытая зона — это уже плохо. — Отец выпрямился, захлопнул папку. — Дело не в том, что ты куда-то шатаешься. Дело в том, что эти твои «ничего» бьют по лицензии. В следующем месяце приходит комиссия. Если у школы будут вопросы, сюда придут с проверкой. И найдут, к чему придраться. Тогда кафе закроют не потому, что оно плохое, а потому что у владельца сын с отклонением.

— Я не отклонение.

— Для них — да. Для меня — нет. Но я не могу прийти в комиссию и сказать: «Мой сын просто смотрит на крышу, оставьте нас». Они не слушают. Они смотрят в свои жёлтые папки и вычитают.

Отец встал, прошёл за стойку. Рэн услышал, как загудел кофейный аппарат, но отец не стал нажимать кнопку. Просто опёрся ладонями о столешницу, опустил голову. В свете лампы его волосы на висках стали совсем белыми.

— Я не требую, чтобы ты всё решал сейчас. Но у тебя есть место. Это кафе. Оно всегда было твоим запасным сценарием, я знаю. Но теперь это не запасной. Это основной. После школы ты продолжишь семейное дело. Не через год, не после университета. Сразу.

Рэн смотрел на отцовскую спину, на натянутый хлопок рубашки между лопатками, на тонкую белую нитку, которая вилась у воротника. Ему хотелось встать, подойти, тронуть отца за плечо и сказать, что он не хочет смотреть на эту спину всю жизнь. Но тогда пришлось бы сказать, чего он хочет вместо. А этого Рэн не знал. Пустая крыша в голове снова стала просто крышей, по которой стучат капли.

— Пап, — позвал он.

Отец не обернулся.

— После зимнего фестиваля, — сказал он в столешницу, — алгоритм зафиксирует не только твой контур. Он пересчитает семейные лицензии. Если ты не встанешь в кафе, всё, что мы имеем, отойдёт городу. Я не хочу, чтобы ты однажды проснулся в доме, где пахнет чужим ужином.

Рэн сглотнул. В висках стучало. Он вспомнил, как Мину говорила: «Если ты не выберешь сам, он выберет за тебя». Выходит, отец тоже боится, что за него выберут. Просто его выбор называется «кафе», и он тёплый, знакомый, пахнет мисо и жареным луком. Но чужой судьбой от этого быть не перестаёт.

— Я понял, — сказал Рэн тихо.

Отец наконец повернулся. Лицо его было спокойным, почти равнодушным, но Рэн видел, как мелко дрожит жилка на его шее.

— Завтра после уроков будешь здесь. Поможешь закрыть смену. Я покажу тебе накладные, и ты начнёшь вести учёт. Разговоры про друзей и лестницы оставь за порогом.

Он снял с крючка под кассой связку ключей, отцепил один — маленький, с бороздками на конце — и положил на стол перед Рэном.

— Это от ящика с дневной выручкой. Считай, что с сегодняшнего дня он твой.

Рэн не шевельнулся. Ключ лежал на столе, как будто его вынули изо льда. Холод от него шёл сквозь доски, сквозь подошвы, вверх по ногам.

Отец не стал ждать ответа. Выключил лампу и ушёл в жилую половину, оставив Рэна сидеть в полутьме. За окном, за стеклянной дверью кафе, дождь перешёл в снег — тихий, влажный, без ветра. Снег в понедельник, подумал Рэн. Климатический модуль сбоит сильнее, чем в новостях.

Он просидел так минут десять. Потом взял ключ, сжал в кулаке и поднялся наверх.

В комнате было холодно. Рэн не стал включать верхний свет, зажёг только лампу на столе. Повесил мокрую куртку на спинку стула, вынул из кармана кусочек мела, который дала Каэ, и положил рядом с приглашением и запиской. Три белых пятна: приглашение, записка, мел — как три ступени, а куда они ведут, он не знал.

Он сел на кровать, не раздеваясь. Телефон выскользнул из кармана на одеяло. Экран загорелся — новое сообщение, снова со скрытого номера. Только на этот раз писала не Каэ: «Ты уже показал отцу, что согласен. Покажи и нам. Среда, 18:00, кабинет совета. Не придёшь — твой отец получит список имён. И твоё будет в нём первым».

Рэн уставился на светящиеся буквы. В комнате пахло уксусом от маринада, который отец разливал после ужина, и этим запахом было пропитано всё — стены, постель, воздух. Он перевернул телефон экраном вниз, чтобы не видеть слов, но они отпечатались под веками, как выжженные.

Значит, совет уже знал и об этом разговоре. До среды оставалось два дня, но Сакураи не собиралась просто ждать. Отец вручил ему ключ, Каэ — мел, совет — срок. А времени тянуть не осталось.

Рэн встал, подошёл к окну. Снег уже не таял на подоконнике, а ложился белой полосой. Внизу, у входа в кафе, горела вывеска — оранжевая, как фонарь. И под ней, на свежем снегу, были следы. Чёткие, узкие, ведущие не к двери, а мимо неё — в переулок, где стоял мусорный бак.

Он не слышал, чтобы кто-то проходил. Но следы были совсем свежие, ещё не запорошенные. И они поворачивали к стене, к водосточной трубе, которая вела к его окну.

Рэн отпрянул и задвинул штору, оставив щель. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон снова зажужжал. Рэн поднял его: на экране не было номера, только два слова: «Посмотри вниз».

Он не хотел. Но взгляд сам упал в щель, туда, где под окном, на выступе водосточной трубы, лежал маленький белый предмет, припорошённый снегом. Кусок мела. Точно такой же, какой он только что положил на стол.

Рэн резко обернулся. На столе, рядом с его мелом, лежал второй кусочек — и записка под ним была сдвинута. На её краю, по белому полю, проступала свежая царапина, будто кто-то провёл ногтем по бумаге.

— Этого не может быть, — прошептал Рэн.

Но запах уксуса в комнате изменился. К нему примешался лёгкий озон, как перед грозой, и внизу, у входной двери кафе, кто-то один раз, очень тихо, нажал на ручку.

Она не поддалась.

Рэн стоял, не дыша, и смотрел на щель между шторой и рамой. Снег всё шёл, и следы под окном постепенно исчезали под белым. Но тот, кто их оставил, ещё не ушёл. И нужна ему была не дверь.

Телефон погас. В темноте комнаты остались только четыре белых пятна на столе и тонкая полоска света из коридора. Рэн опустился на пол, прижался спиной к батарее и услышал, как в стене над ним — в том месте, где проходила водосточная труба, — что-то царапнуло, медленно, настойчиво, словно мел по шершавой доске.

Он закрыл глаза и начал повторять про себя: «Если ты сможешь подняться на крышу в пятницу, значит, тебе не всё равно». Но звук наверху оборвался на третьей секунде, и снова наступила тишина. Только снег шелестел по стеклу, засыпая город, который всё ещё делал вид, что идёт по сценарию.

Алгоритм, который не ждёт

Ночь Рэн провёл, прижавшись спиной к холодной батарее. Он не заметил, как уснул, — только в какой-то момент осознал, что в комнате опять холодно, за окном всё ещё сыплет снег, а шея затекла так, будто её выкрутили. Настольная лампа горела тускло, как фонарь сквозь марлю. На столе по-прежнему лежали четыре белых пятна: приглашение, записка, мел Каэ и тот второй кусок, что появился рядом сам собой. Рэн поднёс ладонь к лицу. Пальцы пахли уксусом и мелом.

Он поднялся, чувствуя, как в суставах хрустит песок. В доме было тихо. Только внизу, на кухне, мерно капала вода. Звук падал в раковину, как камень в колодец. Рэн сунул мобильник в карман, не глядя на экран. Потом подошёл к окну, отвёл штору на ладонь. Следы внизу исчезли полностью. Вместо них — ровный белый покров, подсвеченный оранжевым от вывески кафе. У водосточной трубы тоже ничего не было. Снег съел все улики, кроме одной: на самом стекле, с внутренней стороны, остался размазанный отпечаток — не ладонь, а будто кто-то провёл согнутым пальцем по запотевшему стеклу, оставив короткую изогнутую линию. Рэн потрогал её. Стекло обожгло холодом.

В школе всё выглядело слишком обычным: снег скрипел под ногами, дежурный подметал вестибюль и насвистывал ту же мелодию, Мину прошла мимо с влажной от растаявших снежинок чёлкой и что-то записывала в телефон. Она едва кивнула Рэну. За ночь её прогноз, кажется, стал ещё ближе к девяноста трём. Рэн не спросил.

На большой перемене он поднялся на третий этаж. У отопительной ниши возле кабинета биологии было пусто, пахло тёплой пылью и мелком. На медной трубе, чуть ниже вентиля, Суми оставила знак — волнистую линию, раздвоенную на конце. Рэн огляделся. По коридору шли две первогодки. Они даже не посмотрели в его сторону. Он расстегнул пенал, достал мелок, стёр линию ребром ладони и нарисовал три прямые чёрточки, как на шкафчике. Одна вышла длиннее остальных. Он хотел поправить, но сзади раздались шаги. Рэн сжал мел в кулаке и пошёл в сторону лестницы. Дверь учительской приоткрылась, выпустив полоску света. Такахаси вышел с журналом под мышкой и посмотрел Рэну вслед. Рэн не обернулся, но затылком чувствовал, как тот поправляет очки.

В среду после уроков он не пошёл на четвёртый этаж. Постоял у лестницы, глядя вверх, туда, где под дверью совета лежала полоска света, и повернул к выходу. До самого кафе за ним шёл парень с нарукавной повязкой — не прячась, шагах в двадцати, заложив руки за спину. Рэн не оглядывался. Дома отец молча подвинул ему стопку накладных, и Рэн считал мешки риса и бутылки уксуса, пока цифры не начали расплываться. Ключ от ящика с выручкой лежал в кармане и холодил бедро. В шесть он поднял глаза на часы над кассой. Стрелка дрогнула и пошла дальше. Телефон молчал. Отцу никто не позвонил. Это было хуже, чем если бы позвонили.

К пятнице снег не прекратился. Он шёл всю неделю — мелкий, сухой, будто климатический модуль застрял на одной ноте. Говорили, что башня на площади мигает уже без перебоев, а сводка обещает «временные осадки в учебные дни». Рэну это показалось странным: осадки стали чуть ли не постоянными. Снег лежал на карнизах, натягивал провода, скапливался в жестяных желобах. Школа пахла мокрой тканью, мелом и страхом перед контрольными.

В пятницу после уроков он не пошёл домой. У чёрного хода его ждала Каэ. Она стояла у двери без капюшона, и снег таял у неё на волосах. Пальто было распахнуто, под ним — свитер с высоким горлом. Она не улыбнулась.

— Суми передала, — сказала она вместо приветствия. — Три линии: за тобой следят от совета.

— Я знаю, — ответил Рэн. — В среду меня пасли до самого дома.

— Дошло.

Она развернулась и толкнула дверь. В подвал пахнуло сыростью, извёсткой и тем же озоном. Рэн шагнул следом. Дверь закрылась за ними с мягким щелчком. На этот раз он не вздрогнул.

На крыше было светлее, чем внизу. Снег лежал на бетонных плитах, на коробах труб, на старых деревянных ящиках. Между антенной и ограждением кто-то расчистил площадку — веник стоял у вентиляционной шахты. Араи сидел на ящике, замотавшись в линялый шарф. Суми присела на корточки у вентиляционной трубы и рисовала мелом по сухому пятаку бетона. Она подняла голову, когда Рэн переступил через балку.

— Ты опоздал, — сказала Суми.

— На три минуты.

— Это на три сценария. — Она дорисовала окружность и встала. — Пока тебя не было, мы спорили про алгоритм. Араи говорит, что он не живой.

Араи потёр нос.

— Я не говорил «не живой». Я говорил, что он не злой. Он как распределительный автомат. Кидаешь монету — получаешь жвачку.

— А если у тебя нет монеты? — тихо спросил Рэн.

— Тогда получаешь чужую жвачку. — Араи развёл руками. — Ну, или не получаешь ничего.

Каэ подошла к ограждению и посмотрела вниз, на школьный двор. Снег сеялся между прутьев решётки, залетал на её плечи. На той стороне, за деревьями, на площади, горела красным башня. Рэн впервые увидел её с крыши так близко — тонкую, как игла, с мигающей точкой наверху.

— До зимнего фестиваля четырнадцать дней, — сказала Каэ, не оборачиваясь. — Сегодня пятница. Потом ещё две пятницы. Что происходит, когда алгоритм не может определиться?

— Он не «не может». — Суми вытерла меловые пальцы о подол юбки. — Он ждёт. Аккумулирует данные. Каждый пропуск, каждый невыбранный пункт, каждый прогул — ему нужны.

Рэн сел на перевёрнутый ящик. Дерево было ледяным.

— А если за неделю до фестиваля ты всё ещё не выбрал?

— Тогда он строит выбор за тебя, — ответил Араи. — На основе того, что ты делал раньше. Чего избегал, за чем тянулся. Ты даже не заметишь, как окажешься в списке.

— Я уже в списке, — Рэн выдохнул. — Совет внёс меня как «нестабильного».

На секунду повисла тишина. Снег шуршал по бетону, как песок, сдуваемый с ладони. Где-то внизу хлопнула дверь. Рэн сжал замёрзшие пальцы.

— Откуда знаешь? — спросила Каэ. Она наконец повернулась.

Он не собирался рассказывать про звонок отцу и про сообщение со скрытого номера. Но слова вырвались сами:

— Моему отцу звонили из совета. Сказали, что я посещаю закрытую зону. А потом мне написали: не приду в кабинет в среду — отец получит список имён. И первым в нём буду я. В среду я не пошёл. А ещё в ту ночь кто-то оставил следы под моим окном.

Суми перестала рисовать. Араи тихо выругался. Каэ подошла ближе и встала над Рэном. От неё пахло холодом и шерстью.

— Ты ответил?

— Нет.

— Тогда какого чёрта ты нам это говоришь только сейчас?

Рэн поднял голову. Лицо Каэ было спокойным, но в глазах потемнело, как тогда, в подвале. Он не отвёл взгляд.

— Потому что я больше не хочу, чтобы из меня вытаскивали решения, как нитку. Я пришёл сюда не для того, чтобы мной управляли — ни отец, ни Сакураи, ни ты.

Каэ молчала. Потом усмехнулась — на этот раз почти тепло.

— Наконец-то.

— Что «наконец-то»?

— Ты перестал быть пустым. — Она села рядом, прямо на снег. — Слушай. Если Сакураи получила список, значит, знает не только про тебя. Знает про нас всех. Но она не придёт сюда с инспекцией в пятницу. Ей не нужна крыша. Ей нужно, чтобы мы сами себя сдали.

— Почему?

— Потому что тогда она не выглядит как монстр. Просто зафиксировала нарушение. А если она ворвётся — появятся вопросы, почему совет вообще следит за учениками после уроков.

Араи подался вперёд.

— Это если она играет по правилам. А если нет?

— Тогда мы уже все в протоколе. — Суми говорила тихо, но чётко. — Три линии — это не просто «за мной следят». Это «не подходите ко мне».

Рэн перевёл взгляд с неё на Каэ.

— И вы всё равно пришли?

Каэ не успела ответить. Снизу, от подвальной двери, донёсся лязг. Ветер принёс обрывок голоса — взрослого, не школьного. Рэн вскочил. Араи метнулся к ограждению, пригнулся. Суми быстро затёрла меловые линии носком ботинка.

Из люка никто не появился. Лязг повторился, но глуше, как будто дверь просто ударилась о раму. Все четверо замерли. Рэн слушал, как снег скрипит под чьей-то подошвой — не на крыше, а ниже, у служебного входа. Шаги стихли.

— Уходим, — одними губами произнесла Каэ. — Араи, через восточное крыло. Суми с тобой. Рэн — за мной.

Они спустились по железной лестнице в подвал. Каэ спускалась первой, не зажигая света. Рэн слышал её дыхание и собственное сердце. Внизу Каэ замерла, достала из кармана ключ, прижала палец к губам. Рэн остановился у стены. Пахло мокрым цементом и озоном.

— Тот, кто оставил следы у твоего окна, не от совета, — прошептала Каэ, наклоняясь к его уху. — И это не мы.

— Тогда кто?

— Не знаю. Кто-то третий. — Она сунула ему в ладонь холодный кусок мела. — Не ходи больше к Сакураи. Доверься мне. Иди домой, в кафе, как обычно. Если она снова вызовет — скажи, что совет не имеет права требовать личные данные без присутствия родителя.

— А если потребует?

— Потребует. — Каэ прищурилась. — Тогда молчи. Молчание она в протокол не впишет.

Она открыла дверь в коридор. Свет с лестницы упал на её лицо. Царапина на виске зажила, но под глазами залегли тени.

— Иди первым. Если у выхода стоят — не прячься. Дай им заметить тебя у спортзала, а потом сверни к восточной калитке.

Рэн сжал мел. Тот был твёрдым и холодным, как кусочек айсберга.

— Каэ, — позвал он. — А если алгоритм действительно пересчитает семейные лицензии? Если из-за меня кафе заберут?

Каэ обернулась у самой двери.

— Тогда ты будешь выбирать не между кафе и крышей. Ты будешь выбирать, кто ты: тот, кто исполняет чужой страх, или тот, кто находит свой.

Она исчезла в темноте раньше, чем он успел ответить. Рэн стоял у стены, вдыхая сырость, и чувствовал, как мел в ладони покрывается влагой. Сверху, через вентиляционную решётку,

доносился голос снега — бесконечный, тихий, как шёпот человека, который не хочет, чтобы его услышали.

Он вышел из подвала через три минуты. У спортзала никого не было. Только у бокового входа горела лампочка, и в её свете кружились снежинки, похожие на клочки тетрадного листа. Рэн постоял, давая тем, кто мог наблюдать, возможность его заметить. Потом свернул влево, к восточной калитке.

По пути домой он прокручивал в голове слова Каэ. «Дай им заметить тебя». Значит, совет всё ещё следит, но не за ним одним. Значит, список имён у Сакураи, возможно, неполный. Или она блефовала. Или сообщение отправила не она.

У самого кафе Рэн остановился. На снегу не было следов — ни под окном, ни у входа. Только у порога стоял поднос с нетронутым, уже остывшим ужином, накрытым прозрачной плёнкой. На плёнке кто-то пальцем написал одно слово: «Ешь».

Рэн обвёл взглядом двор. За перевёрнутыми баками сидел кот — рыжий, тощий, как голодная весна. Он смотрел на Рэна, не убегая. И где-то высоко, над крышами, климатическая башня мигнула не красным и не белым, а сразу двумя цветами, будто на секунду раздвоилась. Рэн поднял поднос. Под плёнкой лежала картофельная запеканка с корочкой, точно такая, какую делала мама. Он вдруг почувствовал, что за его спиной кто-то стоит, — не на улице, а в окне кафе, за стеклянной дверью. Рэн обернулся. За стеклом было пусто. Только оранжевая вывеска дрожала в отражении.

Телефон в кармане завибрировал. Рэн вынул его, держа поднос одной рукой. Новое сообщение, опять со скрытого номера: «Ты не пришёл в среду. Мы даём тебе ещё один шанс. Следующая пятница, после клуба, кабинет совета. Или первым в списке будет не ты».

Рэн уставился на буквы. Снег падал на экран и таял, оставляя на стекле длинные дрожащие полоски. Он смахнул их большим пальцем. Потом посмотрел на поднос в своей руке, на слово «Ешь», выведенное по плёнке, и на окно кафе, где никого не было, но где зазвенел колокольчик, хотя дверь не открывалась.

Он стоял и не мог решить, что страшнее: зайти внутрь или остаться снаружи. Наконец колокольчик затих. Снег повалил гуще, застилая улицу, и Рэну на секунду показалось, что весь город — это пустая крыша, по которой бредут четыре фигуры, а сверху на всех них падает белое, одинаковое, без сценария, будущее.

Он подошёл к двери и толкнул её свободной рукой. Она поддалась. Внутри, за конторкой, стоял отец, согнувшись над тетрадью с накладными. Он поднял голову и улыбнулся — устало, криво.

— Ты как раз к ужину, — сказал он. — Я не стал разогревать без тебя.

Рэн опустил поднос на стол. За окном, у восточной калитки, снова лязгнула щеколда. И вдалеке, на климатической башне, два огня — красный и белый — наконец погасли одновременно, оставив город в полной темноте.

Крыша под запретом

Понедельник начался не со снега, а с тишины. Рэн проснулся в шесть утра, потому что за окном перестал скрежетать снегоуборочный трактор. Он лежал на спине, глядя в потолок, и прислушивался, как под окном заливисто, по-весеннему, засвистела какая-то птица. Свист оборвался, будто птица сообразила, что в городе после пятничного отключения опять всё не так.

Он спустился на кухню. Отец уже стоял у плиты, переворачивал омлет и говорил по телефону, зажав трубку между плечом и щекой. Голос у него был виноватый, как будто он продал кому-то вчерашний суп.

— Простите, господин Ёсиока. Нет, сегодня поставку риса задержали. Да. Завтра с утра. Да. У меня сын в школу, я перезвоню.

Он нажал отбой и, не оборачиваясь, выключил газ. На столе стояли две чашки с чаем. Пар от них поднимался вверх, в нём кружились пылинки.

— Сядь, — сказал отец. — Позавтракаешь дома.

Рэн сел. Омлет был мягкий, с корочкой по краю, но без лука. Отец сел напротив, положил телефон экраном вниз и долго смотрел, как Рэн жуёт. Потом кашлянул.

— Рэн. В пятницу ты опять задержался после школы.

Рэн поднял глаза. Отец помешивал чай, хотя сахар растворился давно.

— Немного.

— До темноты?

— До сумерек.

Отец кивнул, как будто ответ был правильный. Потом взял свой телефон, разблокировал и повернул экран к Рэну. Там было сообщение с неизвестного номера. Без подписи, с фотографией школьной крыши, снятой снизу, из-за деревьев. На снимке четыре фигуры у ограждения. Лиц не разобрать, но свитер Каэ и берет Суми Рэн узнал мгновенно.

— Мне пришло это в воскресенье утром, — тихо сказал отец. — И вопрос. «Вы знаете, где ваш сын по пятницам?»

Рэн сжал вилку.

— Это не то, что ты думаешь. Мы просто разговаривали.

— Я не спрашиваю, что вы делали. Я спрашиваю, знаешь ли ты, кто это снял.

Рэн покачал головой. Отец выдохнул и убрал телефон в карман фартука.

— Вчера ко мне опять приходили из школы. Уже не звонили — пришли. Человек сказал, что президент совета просит содействия. Что на крыше собираются ученики. Что это закрытая зона. Что, если не принять меры, дело передадут в городскую комиссию.

Рэн отодвинул тарелку. Есть перехотелось.

— И что ты ответил?

— То же, что в прошлый раз. Что мой сын не ходит на крышу. Что он помогает мне в кафе. Что у него нет на это времени. — Отец смотрел на Рэна, и в его взгляде было не обвинение, а усталость. — Я знаю, что это уже неправда. Но больше всего я не хочу, чтобы твоё имя оказалось в школьном протоколе.

Рэн молчал. Щёлкнул термостат чайника. Птица за окном засвистела снова.

— Они придут в школу сегодня? — спросил он наконец.

— Не знаю. — Отец поднялся и понёс тарелку в мойку. — Но ты сейчас пойдёшь туда и сам всё увидишь. Если на двери висит бумага — не трогай её. Если спрашивают — говори, что крыша закрыта. Что ты и так это знаешь.

Рэн встал.

— Папа. А если меня вызовут в совет?

Отец обернулся. В его лице что-то дрогнуло.

— Тогда, — сказал он, — ничего не отвечай. Позвони мне. Я приду.

Снег всё-таки пошёл. Рэн шёл к школе через парк, держа сумку одной рукой, и смотрел, как дворники с шумом сгребают белые пласты с тротуара. Снежинки были крупные, мокрые, как слёзы великана. Они лепились к лицу и к ресницам.

У главных ворот стояла Мину. Вид у неё был растерянный, как у человека, который пришёл на контрольную без ручки. Она держала телефон в вытянутой руке и водила им по сторонам, будто ловила сеть.

— Ты видел? — спросила она вместо «доброе утро».

— Что?

— Объявление на доске.

Рэн подошёл к доске. Там висел белый лист с гербом школы. Буквы были ровные, как набранные на компьютере, но внизу стояла живая подпись Сакураи.

«В связи с проверкой безопасности и нарушением правил эксплуатации школьных помещений доступ на крышу и примыкающие технические этажи временно запрещён. Любое нахождение в указанных зонах вне разрешения совета будет рассматриваться как дисциплинарное нарушение с передачей данных в городскую комиссию по распределению».

Рэн перечитал последнее слово три раза. Потом перевёл взгляд на толпу. Ученики проходили мимо доски, некоторые читали, большинство просто шли дальше, пригнув голову от снега. Лицо Мину было бледным.

— Это из-за тебя? — шёпотом спросила она.

— С чего ты взяла?

— Потому что ты на прошлой неделе был на крыше. Все говорят.

Рэн почувствовал, как внутри что-то обрывается, словно перерезанная струна.

— Кто — все?

— Кое-кто из выпускных. Они видели, как ты выходил с чёрного хода. — Мину посмотрела на него, и в её очках отразился белый лист. — Рэн, это правда? Ты правда ходил в тот клуб?

Он не ответил. Снег падал между ними, мокрый и тихий. Мину убрала телефон в карман.

— Я не хочу, чтобы тебя исключили, — сказала она. — Но если совет запросит мою переписку, я не смогу соврать.

— Твою переписку?

— Мы же переписывались. Ну, после контрольной. Ты ещё написал, что тебе всё равно на прогноз.

Рэн вспомнил. Это было в среду, до приглашения. Короткие, ничего не значащие сообщения. Теперь они могли стать частью дела.

— Отвечай, если спросят, как было, — сказал он. — Я не хочу, чтобы из-за меня ты попала под протокол.

Мину кивнула, но в глазах у неё стоял тот же лист, белый, как нераскрытый конверт. Она пошла к главному входу, а Рэн остался у доски. Ветер шевелил край объявления. Снизу, у угла, кто-то уже приклеил маленькую полоску жёлтого скотча, будто лист могли сорвать.

Он обернулся. На другой стороне двора, у окна кабинета совета, стояла Сакураи. Она не выглядела торжествующей. Она стояла прямо, как клинок, и смотрела на Рэна, не мигая. Потом подняла ладонь и прижала её к стеклу на уровне груди. Не приветствие. Скорее жест, которым отмечают место на карте. Рэн выдержал взгляд, досчитал до пяти и пошёл к входу.

Внутри было неспокойно. В вестибюле висело такое же объявление, только с печатью. Двое старшеклассников спорили у расписания. Дежурный вёл себя тише обычного, не насвистывал, а только возил метлой по полу. У шкафчиков Рэн увидел Араи. Тот стоял с открытой

дверцей и делал вид, что перебирает учебники, но руки двигались быстро, как у человека, который ищет не тетрадь, а подслушивающее устройство.

— Читал? — спросил Рэн, подойдя.

— Это запрет, — сказал Араи, не поднимая головы. — Официальный. Вчера после полудня заколотили люк. Я ходил проверить.

— Что значит заколотили?

— Два деревянных бруса крест-накрест и бумажка с номером проверки. Каэ была у чёрного хода. Там теперь замок с датчиком. — Араи закрыл шкафчик. — Нас выкуривают.

Рэн прислонился к соседней дверце.

— Суми знает?

— Она пришла в семь. Успела забрать свои мелки из вентиляционной ниши. Оставила у батареи возле кабинета биологии. Говорит, если мы не найдём место до пятницы, всё развалится.

— Что-нибудь ещё?

Араи посмотрел на него. В его глазах, обычно сонных, теперь горел тревожный свет.

— Она слышала, как рабочий у люка говорил по рации. Сказал: «Объект закреплён. Ждём окончания инструктажа». Это не просто закрытие. Это как будто они готовятся к визиту.

Рэн посмотрел на объявление в вестибюле. Потом на верхнюю площадку лестницы, где стоял учитель с планшетом. Учитель поманил к себе двух первогодок.

— Каэ уже приходила? — спросил он.

— Нет. И это плохо.

Рэн что-то почувствовал — холодок в груди, не от сквозняка. Каэ обычно появлялась первой. Ждала его у восточной калитки или у шкафчиков — не для разговора, просто чтобы он видел: клуб существует.

— Я найду её, — сказал Рэн.

— Не ходи один. Если Сакураи теперь имеет право фиксировать любое движение у технических зон, тебя сфотографируют у чёрного хода.

— Значит, я найду её не у чёрного хода.

Он оставил Араи у шкафчиков и пошёл вверх по лестнице. На площадке между первым и вторым этажом его окликнули. Такахаси. Он стоял у перил с журналом под мышкой.

— Рэн. На минуту.

Рэн остановился. Учитель поправил очки.

— Сегодня после уроков совет проводит плановый осмотр технических помещений. Не подходи сегодня к эвакуационному выходу. И знакомым передай. Я не должен этого говорить. Но я видел на прошлой неделе, как ты спускался по лестнице у кабинета биологии. — Такахаси понизил голос. — Ты подаёшь знаки, Рэн. В школе всё видят.

— Я ничего не делаю.

— Вот именно. Ты уже ничего не делаешь, а на тебя составили маршрутную карту. — Учитель вздохнул. — Я не могу тебя защитить, если ты сам себя не защитишь.

Он ушёл. Рэн посмотрел ему вслед, чувствуя, как между лопатками выступает пот. Маршрутная карта. Значит, слежка.

Уроки он просидел как в тумане. Мину села за дальнюю парту и не поднимала взгляд. В окне шёл снег, мелкий, будто чья-то большая рука терпеливо крошила облако. Рэн видел в этом снеге не погоду, а алгоритм. Тот просеивал город, и каждая снежинка падала ровно туда, где ей предстояло растаять.

На большой перемене он не пошёл в столовую. Вместо этого поднялся на третий этаж к нише отопления. Мелки Суми лежали на подоконнике, у батареи, прикрытые скомканным тетрадным листом. Он коснулся их пальцами. Один был тёплым. Не от батареи, а будто его сжимали в ладони минуту назад. Рэн оглянулся. Никого. Только на штукатурке под окном све-

жая царапина — три прямые чёрточки, как на шкафчике. Тот же знак. Он наклонился ближе. Под знаком коряво, но разборчиво, было выведено мелом: «Не ходи наверх. Жди под часами в восточном блоке. После шестого».

Рэн прижал руку к стене, будто хотел стереть надпись. Но не стёр. Ему впервые казалось, что он разговаривает с тенями, а тени разговаривают с ним на языке, который придумали не они.

После уроков он задержался в классе ровно столько, сколько длился звонок. Потом вышел, стараясь не смотреть в сторону доски с объявлением. В восточном блоке, у старых круглых часов, висела тишина. Лампы гудели через одну. Под ногами лежал линолеум, вытертый до серого.

— Ты пришёл, — раздалось сзади.

Каэ стояла в дверном проёме актового зала. Мокрые волосы потемнели и прилипли к вискам. На плече висела сумка, расстёгнутая. Под глазами лежали те же тени.

— Что случилось? — Рэн подошёл ближе.

— Запрет случился. Ты читал.

— Это решаемо. Араи знает другие места.

Каэ покачала головой.

— Дело не в месте. Сакураи запустила официальную процедуру. Теперь любое собрание «неучтённой группы» в стенах школы — это не просто нарушение, а статья: незаконное использование алгоритма. Если нас поймают, это не отстранение. Это отправка в центр пересчёта.

Рэн сглотнул.

— Она блефует.

— Нет. Она уже получила подписи от трёх родителей. Один из них — отец Суми. — Каэ вытащила из кармана скомканный листок. — Суми передала мне копию. Читай.

Рэн взял бумагу. Это был черновик приказа по школе, в углу которого стояло: «Доступ на крышу и технические этажи закрыт. Выявлена неучтённая группа. Ответственный — президент совета Сакураи». Ниже, в графе «Дисциплинарные последствия», было от руки вписано: «Передача в городскую комиссию».

— Зачем она это делает? — спросил Рэн.

— Потому что боится. — Каэ прислонилась к косяку. — Ты видишь только угрозу. А я вижу, как у неё трясётся подбородок, когда она говорит про клуб. Она не нас боится. Она боится, что если «Будущее без сценария» вырастет, то её собственный сценарий станет ненужным.

— Значит, мы должны остановиться.

Каэ посмотрела на него долго и спокойно.

— А ты этого хочешь?

— Нет. — Рэн покачал головой. — Но если нас пересчитают, что останется?

— Именно это мы и должны решить. — Каэ выпрямилась. — Крышу закрыли. Подвал под наблюдением. Араи предложил старую подсобку за спортзалом. Суми — ботанический угол на третьем этаже. Оба варианта под камерами.

— А кафе? — вырвалось у Рэна.

Каэ прищурилась.

— Ты серьёзно?

— Мой отец всё знает. Он не сдал меня совету. В кафе есть задняя комната, где старый прилавок и коробки. Если мы будем тихо…

— Тихо не получится. — Каэ взяла его за рукав. — Послушай, Рэн. Если мы перенесём клуб в семейное кафе, мы втянем твоего отца. Ты этого хочешь?

— Я хочу сохранить клуб.

— А я хочу сохранить тебя. И остальных. — Она сжала его рукав сильнее. — Но ты прав. Нам нужно уйти из школы. И надо сделать это до пятницы.

Из актового зала донёсся скрип. Оба замерли. Каэ потянула Рэна в тень под лестницей. Там, за старым роялем, пахло пылью и мелом. Сердце билось в горле.

Шаги прошли по коридору, остановились, потом повернули к главному выходу. Рэн выдохнул.

— Кто-то следил, — прошептала Каэ.

— Может, просто дежурный.

— В восточном блоке дежурных не бывает по понедельникам.

Она высунулась из-за рояля. В коридоре снова стало пусто. Только гудели лампы.

— Иди домой, — сказала Каэ. — Я сама проверю, кто это был. Араи передаст Суми, что встречаемся в пятницу, но не на крыше. И не в школе. Я знаю одно место у реки, за старым причалом. Там нет камер. Если будет снег — следы исчезнут через десять минут.

— Река? Это далеко.

— Зато безопасно. — Она отошла к окну. — Рэн, если в пятницу тебя вызовут в совет, ты знаешь, что делать.

— Каэ, — тихо сказал он. — А если я не приду к реке?

Она обернулась. В тусклом свете её лицо было совсем белым.

— Тогда ты уже выбрал. Но я за тебя не выберу.

Она скользнула вдоль стены и исчезла за дверью актового зала. Рэн остался у рояля. Он прижал ладонь к крышке, и дерево отозвалось низким, как сердце, гулом. В кармане завибрировал телефон. Он вынул его. Сообщение с неизвестного номера: «Пятница, после клуба, кабинет совета. Это последний шанс».

Рэн повертел телефон в руке. Потом выключил звук. Снег на улице повалил гуще — сплошной, такой, что за окном стало не видно ни школьного двора, ни башни, ни горизонта, будто город накрыли мокрым белым пальто. Он стоял и смотрел, как снежинки разбиваются о стекло, оставляя на нём зигзаги, похожие на меловые знаки.

И впервые ему показалось, что алгоритм не просто наблюдает. Он пишет письмо — белое, одинаковое для всех, но с разными словами, которые проступают только на морозе. Рэн прижал палец к стеклу. Оставил длинный след. А потом быстро нарисовал на запотевшем круге три линии, как на шкафчике. Одна вышла длиннее остальных.

Он не понял, зачем это сделал. Просто почувствовал, что должен оставить знак. Где-то внизу хлопнула дверь. Рэн вздрогнул, отдёрнул руку и пошёл к выходу, не оглядываясь.

По дороге домой он всё думал о том, что сказал отец. «Если спрашивают — говори, что крыша закрыта». Но что, если крыша закрыта и внутри него самого?

У кафе его ждал поднос с ужином. На этот раз на плёнке не было слова. Вместо него лежала маленькая записка, свёрнутая вчетверо, с неровным краем, как у той, что оказалась в кармане. Рэн развернул. Там было написано:

«Когда закрывают одно небо, открывается другое. Но в него нужно пройти пешком».

Подписи не было. Рэн поднял глаза. За стеклянной дверью, в тёмном зале кафе, у дальней стены, где стоял старый автомат с газировкой, горел один-единственный красный огонёк. Он пульсировал медленно, как дыхание. Рэн сжал записку. Она была сухой, тёплой и пахла мелом.

Башня на площади зажглась белым светом. Потом погасла. Потом снова белым. И в этом ритме Рэн услышал вопрос, который не был написан ни в одном сообщении: а ты готов идти пешком?

Он толкнул дверь кафе. Колокольчик зазвенел. За конторкой стоял отец. На этот раз он не улыбнулся. Только кивнул.

— Ты вовремя, — сказал он. — Есть разговор.

Рэн шагнул внутрь. Дверь за ним закрылась. Башня на площади продолжала мигать, но теперь её свет падал на пустые столики, и тени от стульев ложились на пол длинными чёрными тропинками, которые вели из пустого зала к старому автомату с газировкой, где никто не стоял, но где, кажется, только что опустили монету.

Свой ответ среди чужого

Рэн замер у порога. Отец не сел. Он стоял за конторкой, положив обе ладони на столешницу, и смотрел на Рэна так, будто тот только что вошёл не в кафе, а в чужой разговор, который уже давно шёл без него.

— Запри дверь, — сказал отец.

Рэн обернулся. Колокольчик ещё покачивался. За стеклом снег падал уже не хлопьями, а сплошной косой завесой, и вывеска «Тёплый рис» расплывалась в ней, как отражение в мокром окне. Он повернул защёлку. Замок щёлкнул.

— Я не буду спрашивать, что было в школе, — начал отец. — Я хочу спросить про другое. Про то, что будет.

Рэн снял сумку и повесил её на спинку ближайшего стула. Ноги не хотели идти к конторке. Он заставил себя сделать шесть шагов. Под подошвой хрустнула крупинка соли, которой посыпали порог от наледи.

— Ты сказал, есть разговор.

— Да. — Отец вытер руки о фартук, хотя руки у него были сухие. — Сначала поешь.

— Я не хочу.

— Посиди тогда. Это разговор не для кафе, Рэн. Он наш.

Он указал на стул у окна. Рэн сел. Стол был пуст, только солонка с засохшими белыми подтёками и сложенная бумажная салфетка. Отец принёс два стакана с тёплым чаем. Себе он положил лимон, Рэну — нет. Это была мелочь, которую Рэн замечал всю жизнь: отец помнил, что он не любит лимон, но всё равно резал лимон для себя, и запах цитруса заполнял всё пространство между ними.

— Я получил ещё одно сообщение, — сказал отец, садясь напротив. — Сегодня вечером. С другого номера. Там была фотография нашей задней комнаты. Где старый прилавок.

Рэн сжал стакан.

— Покажи.

— Не нужно. Там только коробки и стол. Но снято с такого ракурса, будто человек стоял внутри. Понимаешь?

Рэн понимал. Внутри кафе. В задней комнате, куда не пускают посетителей. Куда после закрытия заходят только свои. По спине пробежал холод, не имеющий отношения к сквозняку от двери.

— Дверь была заперта? — спросил он.

— Заперта. — Отец постучал пальцем по столу. — Я проверял. Замок не тронут. И сигнализация не сработала.

— Может, сняли через окно?

— Окно задней комнаты выходит на вентиляционную шахту. Там решётка. Через неё только руку просунуть, не камеру. — Отец отпил чай. — Я не знаю, кто это делает. Но он хочет, чтобы я боялся. И я начинаю бояться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.